

Степан Кулик

ОПЕРАЦИЯ «WOLFSSCHANZE»

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Степан Кулик

Операция «Wolfsschanze»

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Кулик С.

Операция «Wolfsschanze» / С. Кулик — «АСТ»,
2016 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-096261-7

Осень сорок четвертого. РДГ «Призрак» успешно выполняет задание, полученное лично подполковником Корнеевым от комиссара государственной безопасности второго ранга Абакумова. Но уходить из уничтоженной секретной лаборатории «Аненербе» пришлось с боем. Покинув графский замок через старинный подземный ход, разведчики оказываются не за стенами, а на берегу Черного моря... в июле одна тысяча тридцать девятого года, в самом начале наступления РККА на фашистскую Румынию. Что произошло на самом деле? Куда они попали и что нужно сделать, чтобы вернуться домой? И непременно с Победой!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096261-7

© Кулик С., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Вместо пролога	6
Часть первая	10
Глава первая	10
Глава вторая	18
Глава третья	25
Глава четвертая	33
Глава пятая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Степан Кулик

Малая война. Операция «Wolfsschanze»

© Степан Кулик, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

А мы с тобой, брат, из пехоты,
А летом лучше, чем зимой...
С войной покончили мы счеты.
Бери шинель, пошли домой...

Б. Окуджава

Вместо пролога

Седой туман не спешил оставлять захваченные с ночи позиции, продолжая клубиться в траншеях и ходах сообщений, смешиваясь с дыханием дремлющих солдат и становясь от этого только гуще. Даже сизый табачный дым в сравнении с ним казался легким и прозрачным.

Отсыревшие шинели давили на плечи, как при полной выкладке... не столько согревая, сколько давая шанс не замерзнуть окончательно. Одно радовало – накрыло не на марше. И не было нужды вытаскивать пудовые сапоги из раскисшей, липкой глины. А вещмешок с нехитрыми солдатскими пожитками не мозолил спину, а позволял устроиться на дне окопа хоть с каким-то удобством. И винтовка, что с каждым пройденным километром становится тяжелее как минимум на кило, не висела на плече, а стояла прислоненная рядом.

Но все эти невзгоды можно вытерпеть. Главное, пока туман не развеется, вражеская артиллерия не будет стрелять. А без артподготовки англичане в атаку не пойдут. Значит, еще какое-то время никого не ранят и не убьют. Можно подремать, покурить, написать домой о том, что приснилось или только что вспомнилось... Прямо сейчас, не откладывая. Потому что на войне не у всех бывает «потом». И солдат, дрожащих от холода в потемневших от влаги серых шинелях, совсем не радовал близкий восход и теплые лучи солнца. Потому что вслед за ними в окопы вернется не счастливая жизнь, а безжалостная смерть...

Дверь землянки открылась, и из нее выглянул штабс-фельдфебель Отто Хейниц. От сырости у него ныли зубы, и это не придавало благодушия его и без того лютomu нраву. Штабс-фельдфебель огляделся по притихшей траншее, выискивая взглядом вестового. Ефрейтор Шикльгубер, как всегда, держался отдельно. Он и сейчас дремал, выбрав себе уютное местечко в запасной пулеметной ячейке и пристроив под тощий зад не вещмешок, а пустой ящик от патронов.

– Адольф! – окликнул его Хейниц.

Ефрейтор вскочил не просыпаясь, даже глаз не открыл. Только пышные кайзеровские усы встопорщились на худощавом, словно чуть сплюснутom с боков лице.

– Я здесь!

– Пулей во вторую роту третьего батальона! Скажи обер-лейтенанту Вайсбергу, что господин оберет хочет его видеть! Немедленно!

– Яволь!

Ефрейтор привычно метнулся по траншее налево, как делал не один десяток раз до этого. Скорее всего, так окончательно и не проснувшись. Неподалеку от городка Маркуен в провинции Нор-Па-де-Кале их полк стоял уже второй месяц, и вестовой наизусть знал маршрут до любого штабного блиндажа, включая ротные.

Днем, когда передовая простреливается, Адольф не стал бы рисковать, но сейчас, в такой туман, петлять ходами сообщений, спотыкаясь о ноги дремлющих солдат, не было смысла. Ефрейтор выпрыгнул из траншеи и рванул наискосок, прямо через поле неубранного ячменя – почерневшего, поникшего к земле полупустыми, но по-прежнему усыатыми колосьями. Если и обмолят их осенью восемнадцатого года, то только минами и снарядами... на которые войска Антанты не скупятся.

В траншею Шикльгубер спрыгнул почти у самого штабного блиндажа, отковырял часовому и постучал в дверь. Внутри сперва кто-то испуганно пискнул, а потом мужской бас недовольно прорычал:

– Кого черт принес в такую рань?

Обер-лейтенант, двадцатипятилетний двухметровый рыжий верзила, пользовался успехом у санитарок и не отказывал себе в неприятных удовольствиях. Воевал не первый

год. Прекрасно знал, что в такую погоду о вражеском наступлении можно не беспокоиться. И что начальство не стучится, прежде чем войти – тоже.

– Виноват... – ефрейтор не стал открывать дверь. Доложил так, глядя на неплотно пригнанные доски. – Господин оберст... просит вас незамедлительно прибыть на командный пункт.

Конечно же, полковник фон Бок никогда и никого чином ниже генерала ни о чем не просил, но зачем конфузить офицера перед дамой. Обер-лейтенант Вайсберг оценил поступок вестового правильно и по-своему отблагодарил:

– Хорошо. Сейчас иду... Подожди здесь.

Обязанности вестового считались на фронте самыми опасными. Бегать от траншеи к траншее с депешами и пакетами, в любое время суток, несмотря на обстрел, весьма рискованно. Война никого не щадит, но вестовые гибли чаще других. Так что задержав ефрейтора, обер-лейтенант предоставлял ему возможность отдохнуть.

Впрочем, Шикльгрубер и сам бы не торопился обратно. Обычно, если вручение пакета или распоряжения не сопровождалось приказом: «Одна нога там, а другая здесь. По исполнению доложить!», Адольф разрешал себе забиться где-нибудь в укромном местечке и полчаса – час, в зависимости от обстановки, никому не показываться на глаза.

Собственно, это была одна из причин, по которой он вызвался добровольцем, когда набирали штат вестовых. Эта должность, не пользующаяся популярностью у солдат из-за повышенной смертности, позволяла не тянуть лямку вместе со всеми, а держаться особняком, выкраивая время для того, чтобы помечтать и пофантазировать. Особенно нравилось честолюбивому ефрейтору воображать себя главнокомандующим германских войск. Непобедимых и сокрушительных..

Выждав минут двадцать после ухода обер-лейтенанта, Шикльгрубер не торопясь отправился обратно в штаб. Все так же, поверху. Туман к тому времени уже немного разошелся, но все же недостаточно для прицельного обстрела. Особенно если корректировка огня велась с воздушного шара.

– Где тебя черти носят?! – вызверился на вестового штабс-фельдфебель. Но так, без особой злости, для порядка. Отто Хейниц служил давно и понимал, что на войне у каждого свои привилегии. – Держи пакет. Приказано доставить в первый батальон. И не потеряйся там до обеда. Мухой обратно! Похоже, что-то затевается...

Адольф кивнул и побежал – теперь в другую сторону. Выбираться из траншеи больше не рискнул, так что пришлось потолкаться среди солдатни. Самому ругать нерасторопных, чтобы поскорее убирались с дороги, что не так-то просто сделать на скользкой глине, и – выслушивать не менее «теплые» эпитеты вслед.

Пакет он вручил майору Брюмеру лично в руки и хотел было повернуть обратно, но как раз в этот момент заговорила артиллерия объединенных союзных войск Антанты. Сперва неуверенно, словно загрохотали пустые бочки, катясь с опрокинувшейся телеги, – англичане пристреливались. Но как только взвились первые султаны из огня и земли, обозначая цель, орудия заговорили во весь голос.

Крупнокалиберные снаряды неслись с запада с басовитым, шмелиным гулом и, соприкасаясь с землей, заставляли ее вздрагивать и стонать, осыпая линии траншей осколками и комьями глины. Потом чахоточно закашляли минометы, натужно стараясь забросить смертельный заряд прямо в немецкие окопы.

– Скоро пойдут... – негромко проворчал скорчившийся рядом с Адольфом пожилой капрал с накинутым поверх шинели когда-то белым, а сейчас изгвазданным в глине фартуком. Бладобрей или из кухонной обслуги.

Шикльгрубер согласно кивнул. Да, именно так все и происходило. Обстрел, атака, затишье... Санитары стаскивали и эвакуировали раненых. Подходило пополнение... Солдаты зани-

мали позиции, а спустя день или два все повторялось. Или то же самое проделывали австро-венгерские и германские войска. С единственным отличием – после собственной атаки трупов и раненых было во много раз больше. А линия окопов при этом не передвигалась ни в одну, ни в другую сторону даже на пару метров. Словно замерла, обрамляя ничейную полосу, именуемую не иначе, как мертвой землей.

Но приготовившиеся к отражению атаки немцы ошиблись. На этот раз англичане не полезли из окопов. Вместо них заговорили мортиры, и на траншее германских войск посыпались похожие на дымящиеся консервные банки химические снаряды.

– Ахтунг! Газы! – полетели во все стороны встревоженные приказы командиров. – Надеть маски!

Глядя на сивое облако, стелящееся по дну траншеи и уже добирающееся до его ботинок, Адольф, торопливо дергая клапан подсумка, достал противогаз и натянул на голову. Судя по тому, как медленно дым поднимался, англичане снова применили хлор. Не самое опасное вещество, главная неприятность которого заключается в том, что он накапливается внизу, заставляя солдат высовываться из окопа под пули. Но если противогаз исправен, а траншеи оборудованы так, что могут быстро вентилироваться – ничего страшного. Влага делает свое, превратив ядовитый газ в соляную кислоту, которая впитается почвой, практически не причинив вреда. Разве что срок носки ботинок немного сократится...

И тут Адольф почувствовал легкую резь в глазах и пощипывание в носоглотке, что могло свидетельствовать только об одном – хлор проникает под лицевую маску. Но как? Почему? Ефрейтор, забыв об опасности, вскочил на ноги, чтобы подняться повыше над облаком. Провел руками по противогазу и неожиданно для самого себя нащупал кончики усов. Его гордость разрослась так, что не поместилась под маской, а торчала наружу – предоставляя тем самым лазейку для газа.

«Чертовы усы! – Шикльгруббер привстал на цыпочки. – Останусь жив, сбрую под ниточку! Кайзер может себе позволить любое украшение, а для простого солдата это непозволительная роскошь».

Возможно, Адольф подумал бы что-то еще, но тут его взгляд упал на нейтральную полосу. Англичане тихо, словно подкрадывались к логову зверя, шли в атаку. И до передней линии траншей им оставалось не больше сорока-пятидесяти шагов.

Шикльгруббер не долго раздумывая схватил чью-то винтовку, передернул затвор и выстрелил в сторону врага. Видимо, приближение противника заметил не только он, потому что нестройная ружейная пальба послышалась с разных мест, вот только на слаженное отражение атаки это мало походило.

Англичане, поняв, что обнаружены, дружно заорали «ура!» и перешли на бег. Где-то неподалеку одиноко застрочил пулемет, но в большинстве своем немецкая линия обороны молчала. Слишком внезапной оказалась атака для людей, еще не снявших противогазные маски. А потом солдаты стали бросать оружие и выпрыгивать из траншеи...

– Отступаем! Отступаем! – орали они дружно, словно старались придать этим воплям силу приказа.

Может, подействовало, а может, по иной причине, но ефрейтор Шикльгруббер не стал изображать из себя героя – бросился прочь вместе со всеми.

И тут германцев ждал очередной неприятный сюрприз. Не зря англичане так точно пристреливали артиллерию. Вся полоса между первой и второй оборонительными линиями буквально взорвалась под ногами убегающих солдат.

Один из снарядов разорвался настолько близко, что Адольфа подхватило взрывной волной и бросило на чей-то искалеченный труп. При этом ефрейтор сильно ударился головой о приклад валяющейся рядом винтовки и потерял сознание...

Удар оказался не слишком сильным, и очнулся Шикльгрубер довольно быстро. Голова гудела, в глазах стоял туман. Хотя и не такой густой, как утром или от ядовитого облака. Так что когда Адольф встал на ноги, ему вполне хватило четкости зрения, чтобы увидеть наведенный на себя карабин.

Рядовой Генри Тенди какое-то время смотрел сквозь прорезь прицела на контуженого немца, и на мгновение нечто вроде жалости к этому обессиленному, явно раненому человеку промелькнуло во взгляде британца. Он даже начал опускать ствол... но уже в следующую секунду, все же вспомнив, что перед ним враг, Тенди вскинул карабин и выстрелил.

Пуля вошла точно в грудь Адольфа Шикльгрубера. И серая пелена перед его взором сменилась непроницаемо черным холстом, на который так хорошо ложится белая гуашь...

Часть первая

«Пускай судьба забросит нас далеко, пускай!..»

Глава первая

Солнце уже неторопливо сползало в закат, тогда как жара, казалось, только усиливалась. Словно не сентябрь-месяц перелистывает страницы календаря, а стоит самая что ни на есть середина июля. Раскаленная за день земля дышала зноем не хуже хорошо протопленной печки – хоть портянки суши, хоть гороховый концентрат запаривай.

Корнеев расстегнул вторую пуговицу на мундире и еще раз с недоумением огляделся.

Капитан Малышев, старшина Телегин, лейтенант Гусев, майор Петров и оба летчика, капитан Гусман и штурман лейтенант Колокольчиков, – одним словом, все, кто вошел вместе с подполковником в тот загадочный «лифт», обнаруженный в подземном переходе польского замка, сейчас лежали в скудной тени, отбрасываемой отвесным утесом, и мало-помалу приходили в себя.

Николай и сам еще ощущал себя... как бы не полностью. Голова на месте и даже мысли какие-то ворочаются, а вот желания вскочить на ноги или хотя бы попытаться сесть – не возникает. Зато во всем теле появилась вязкая, тягучая лень, как у заснувшего на солнцепеке и перегревшегося курортника. Слабость такая, что берите меня за ноги и тащите, куда пожелаете, – словом не обмолвлюсь... Нехорошее, прямо скажем, состояние. Даже на отдыхе... И уж тем более на войне.

Корнеев сделал усилие и перекатился поближе к скале, в тень. Потом сел, опираясь спиной на прохладный камень... Утес придавал уверенности и ощущения реальности.

Подполковник посидел несколько секунд с закрытыми глазами, чувствуя, как силы возвращаются в изнуренное тело.

– Эй, что за ерунда?... – подал голос Андрей Малышев. Попытался встать и со стоном опустился обратно. – Не хило нас приложило... Ноги как ватные...

– Не дергайся. Скоро пройдет...

– Понял, командир. А чего случилось-то? Ощущение как после контузии. Котелок бурлит, но не варит.

– Пока сам не очень понимаю...

Придерживаясь руками за скалу, Корнеев с трудом встал. Прямо, метрах в тридцати, по другую сторону неширокого асфальтированного шоссе, начинался подъем на гору. Не слишком высокую, зато неприветливую, каменистую, только густо прикрытую зеленью кустарников и зарослями причудливо изогнутых ветрами, разлапистых кедровых сосен.

Правее от утеса, шагах в десяти, сползал к воде усыпанный крупной галькой и небольшими валунами обрыв, весьма крутой и непривлекательный. Хотя, если сильно припрет – так сказать, по большой нужде, можно попытаться спуститься. Внизу – изумрудные волны с тихим шелестом накатывают на берег, чайки носятся над едва обозначенной зыбью – идиллия. Подполковник невольно снова подумал о курорте.

С трудом оторвав взгляд от моря, посмотрел налево. Эта картина тоже оказалась приятна глазу коренного одессита. Узкая полоска мыса длинным языком уходила в море, удерживая на самом кончике маяк, похожий на точеную фигурку шахматной королевы. Белый...

– И все же это не Рио-де-Жанейро... – пробормотал Николай.

– Что говоришь, командир? – Малышев уже тоже сумел подняться. – Мы, случаем, не в Одессе? Это же море, да?

– Море, – кивнул Корнеев. – Я даже больше скажу, Андрюха. Это Черное море. Его запах ни с какими иными не спутать. Вот только чужое оно здесь... Не наш это берег.

– Уверен?

Вместо ответа Николай показал на солнце. Но Малышев не понял. Пришлось объяснить:

– Море на восток от суши. А должно быть на юге. Теперь соображаешь?

– Я понял, – кивнул тот. – Стало быть, мы либо в Румынии, либо в Болгарии?... – потом подумал и прибавил: – Или все-таки на восточном побережье Крыма.

Тем временем стали приходить в себя остальные. Как водится в таких случаях, удивленно переговариваясь и осматривая друг друга.

– Все целы?

– Так точно, – доложил Малышев как заместитель командира группы. И прибавил, вспомнив, с чего все началось: – А не хило мы на лифте прокатились. Из польских болот на солнечный берег, да?

Корнеев задумчиво покивал. Не нравились ему ни высота солнца, ни обилие зелени. Совершенно не осенний пейзаж. Даже для южных широт...

– Группа, внимание. Всем осмотреться и привести себя в порядок. До выяснения обстановки продолжаем считать, что находимся на вражеской территории. Старшина Телегин, займите наблюдательный пост на склоне горы. Майор Петров, проводите старшину и проверьте склон насчет мин. На всякий случай. Старший лейтенант Гусев, вы говорили, что владеете навыками альпинизма?

– Так точно.

– Подняться сможете? – Николай указал на утес за спиной.

– Надо посмотреть...

– Посмотрите. И лучше со стороны, противоположной маяку. Он хоть и далеко, но если в оптику...

Корнеев не стал продолжать. В группе почти одни офицеры, и все воюют не первый год.

– Лейтенант Колокольчиков, капитан Гусман, подстрахуйте...

– Есть.

Корнеев посмотрел на часы. Девятнадцать сорок. Что ж, можно и об ужине подумать. А перед этим произвести досмотр вещей личного состава на предмет имеющихся запасов. Он уже собрался отдать соответствующее распоряжение Малышеву, когда услышал негромкий стон.

– Тихо... – подполковник поднял руку. Прислушался, но стон не повторился. – Кто-то еще слышал?

Летчики и Андрей только молча переглянулись. Во взглядах – вопросы... Николай требовательно прижал палец к губам, потом поднес к уху, повел вокруг и поднял вверх: «Молчать и слушать!»

Секунды сбегали одна за другой, но кроме шелеста прибоя, криков чаек и шуршания камешков, сбрасываемых лезущим наверх Гусевым, ничто не тревожило тишину.

Подполковник досчитал до сорока, и когда совсем уж убедил себя, что стон ему почудился, тот раздался снова. Совсем слабый, но вполне отчетливый. И в этот раз его услышал не только Корнеев. Гусман и Малышев одновременно дернулись в ту же сторону.

– Стоять... – шепотом приказал полковник. – Андрей, ты вон оттуда зайди. Только аккуратно. Перед маяком не отсвечивай... Товарищи летчики, у вас свое задание. Выполнять.

Дождался ответных кивков и только после этого, пригибаясь так низко, как только мог, чтобы не опуститься на четвереньки, выглянул из-за утеса.

Сперва Корнеев не заметил ничего интересного. Каменная глыба, в тени которой очулась разведгруппа, стояла особняком, свалившись с горы в незапамятные времена, но до моря так и не докатившись. А за ней как раз начинался мыс. Ровный, словно отшлифованный. И от утеса до белокаменной башни маяка на нем не было ни рытвинки, ни горбочка... Усыпан-

ная мелкой галькой взлетная полоса, а не мыс. На такой не то что человеку – черепахе негде затаиться. Только дренажная канава у обочины и обратная сторона скалы. Куда отправился Малышев...

– Андрей, что у тебя?

– Никого... – Малышев отозвался буквально в паре шагов. Вот-вот из-за угла покажется.

– Что за чертовщина? – Корнеев почесал затылок. – Эй! Кто здесь? – позвал негромко.

В общем-то не особенно рассчитывая на ответ.

Еще несколько секунд стояла тишина, а потом голос отозвался. Далеко... Метрах в двадцати от утеса. И скорее всего из канавы.

– Я здесь... – невидимый человек говорил тихо, но по-русски. – Вы кто такие?

– Подожди, браток. Сейчас поможем...

– Нет! Не приближайтесь... На маяке снайпер!

– Разберемся...

Корнеев, сделав крюк так, чтоб его все время заслоняла скала, подошел к канаве, лег на дно и пополз по-пластунски. Дренажная канава была не очень глубокой, но все же если наблюдатель не знает, куда смотреть, то вряд ли заметит.

Неизвестный лежал ничком. А по маскхалату на спине расплзлось большое темно-бурое пятно.

– Крепко тебя зацепило, браток. Ну, ничего... Помощи дождался, значит, будешь жить.

– Это вряд ли... – незнакомец даже не попытался поднять голову. Видимо, берег последние силы. – Кто вы? Откуда здесь?

– Да, похоже, мы с тобой одной крови, браток. Фронтальная разведка. Майор Корнеев... – в последнюю секунду Николай понизил себя в звании. Решив, что полковники за линией фронта встречаются реже, чем генералы в Кремле. – Погоди, сейчас я тебя к нашим подтащу. А там перевежемся и поговорим.

– Постой, майор. Сперва дело. Я – мичман Черноморского флота Иван Стаднюк. Наша группа должна была встретить здесь проводника и обеспечить работу маяка. Но не получилось... Мы напоролась на засаду. Не знаю, предательство или случайность... винить некого. Проводника нашего, он же смотритель... румыны расстреляли. И потушили маяк! А этой ночью запланирована высадка десанта... Понимаешь, майор? Ночью флотилия пойдет... на мели и скалы... Еще чуток ветра... и от батальона даже сводного взвода не составишь. Место ведь нарочно такое выбирали... где никто не ждет... Братишка, я не знаю, какое у вас задание, но прошу тебя... зажгите маяк. Хоть на несколько минут... Корабли выйдут на траверз ровно в первом часу после полуночи.

– Хорошо. Я понял тебя, мичман Стаднюк. А теперь, Иван, помолчи и держись... Я тебя вытащу.

– На маяке примерно отделение румын... Снайпер на дереве... На чердаке дома – пулемет... Подходы со стороны моря заминированы... – едва слышно пробормотал мичман. По его телу пробежала короткая конвульсия, и разведчик затих.

– Не смей! – Корнеев ухватился за капюшон маскхалата и изо всех сил пополз обратно. Считая каждый метр как биение сердца. – Держись, братишка! Еще немного, еще чуть-чуть...

* * *

Увы... С таким ранением не выживают. Снайпер не промахнулся. Удивительно, как мичман вообще столько времени продержался. Судя по состоянию раны, подстрелили его еще утром, часов десять тому.

– Такие вот дела, товарищи... – закончил объяснять ситуацию группе Корнеев. – Мы по-прежнему не располагаем данными о месте, где очутились, и не имеем возможности связаться

со штабом. Поэтому будем действовать по обстановке. А поскольку это не наше задание, приказывать не буду, пойдут только добровольцы.

– Командир, да хватит тебе, – не слишком вежливо оборвал Николая Малышев. – Кажется, все давно предельно ясно. Нет здесь тех, кто сомневается. Давай по существу. Но если тебе так больше нравится, то в конце приказа можешь добавить: «пожалуйста»...

Последнее слово капитан выделил такой насмешливой интонацией, что от улыбки не удержался никто. В том числе и Корнеев.

– Добро, братцы... Замнем для ясности и обсудим, как обеспечить работу маяка. У кого какие мысли?

– Подобраться к нему засветло не получится, а в темноте вполне возможно напороться на мины, – первым отозвался Гусев. Не считая летчиков, в «Призраке» он был самый младший по совокупности звания и боевого опыта. – Если заминировали пляж, то почему не поставить пару штук и со стороны суши? Десятка растяжек вполне хватит, чтобы запереть мыс.

– Согласен, – поддержал Гусева сапер. – Темноты ждать нельзя. Предлагаю подойти по воде и попытаться сделать проход. Если на маяке румыны, можно рассчитывать, что караульная служба у них так себе. Да и чего им опасаться – днем все вокруг как на ладони. А вот когда стемнеет...

– Рискованно, – не согласился Малышев. – Сколько отсюда до объекта? Километра полтора, не больше. Ползком за час подберемся. Кузьмич первый, сапер следом... Будем осторожничать – еще час кладу сверху. Темнеет так, чтобы наблюдателя не опасаться, после десяти. Получаем резерв времени ровно час. Неужто за шестьдесят минут не снимем охрану и не включим маяк?

– Поддерживаю Андрея, – кивнул старшина Телегин. – С моря подойти, кажется, проще. Но и фронт в той стороне. Нет-нет да и глянут с опаской. Зато с материка они к себе точно никого не ждут. Правда, я бы на их месте ночью прожектор на сушу направил. С моря не видно, зато самим – как у Христа за пазухой.

– А вы что скажете? – Корнеев посмотрел на летчиков.

Петруха молча пожал плечами, предоставив отвечать Гусману. На то он и первый пилот, чтобы принимать решения за весь экипаж. Яков и ответил:

– Черт его знает. Наше дело – отбомбился и домой... – развел руками капитан. – Разведка по другому ведомству проходит. Но я так смекаю, товарищ подполковник, румыны здесь надолго засели, верно? В смысле объект под охраной. А дыма над печной трубой не вижу...

– И что из этого следует?

– Ну, кушать-то им надо? Особенно когда солдат много, а делать им, в общем-то, нечего. И если сами не готовят...

– Так-так... – Корнеев заинтересованно поглядел на Гусмана. – Продолжай, Яков.

– Я о полевой кухне подумал... Шанс, что она сюда вечером припрется, не очень большой, и все-таки сбрасывать со счетов не стоит. Маяк – явно не самый важный объект в этом районе. И если тут не противодиверсионная группа засела, а всего лишь одно из отделений батальона охраны тыла... штаб которого еще неизвестно за сколько километров отсюда... то, пока повара по всем точкам пищу развезут...

– Совсем не глупая мысль, – хмыкнул Николай. – Но это уж как повезет. Примем вроде запасного варианта. Рабочий – ждем темноты и попытаемся пройти напрямую. Кстати, а что у нас с запасами провизии? Самим-то перекусить найдется чем?

Подполковник хотел придать словам шуточный оттенок, и раздавшееся урчание как нельзя лучше поспособствовало этому.

– О, вовремя... Не понял, чей живот отреагировал первым, но бурчит, как трактор.

– Это и есть трактор, командир.

Корнеев уже и сам понял допущенную оплошность. Действительно, звук, который он принял за урчание живота, доносился издали и приближался.

Дорога, идущая мимо маяка по берегу моря, у подножия выгибалась подковой, один конец которой прятался за горой. И именно оттуда доносилось неторопливое тарыхтение слабосильного дизельного мотора.

Николай вскочил, как подброшенный.

– Группа, слушай приказ! Захватить транспорт раньше, чем он появится на прямой видимости с маяком. Действовать быстро и без стрельбы! В общем, как всегда... Кузьмич, Андрей! Давайте по склону, остальные – за мной!

Малышев и старшина Телегин быстро перебежали через шоссе и скрылись в сосновых зарослях. Даже ветки не дрогнули... А Гусев, Петров и летчики кинулись догонять Корнеева, который старался добежать до поворота раньше, чем из-за него покажется трактор. К счастью, утес очень удачно перекрывал обзор засевшим на маяке румынам именно на этом участке.

Пробежав по шоссе метров сто, Корнеев остановился. Тарыхтение мотора раздавалось совсем близко, вот-вот трактор покажется.

– Петров! Гусев! Изображаете пленных. Ремни и пилотки снять. Руки за спину... Колокольчиков – впереди колонны. Гусман – замыкающий. Вперед, шагом марш...

Сам Корнеев занял место сбоку. Таким образом он шел почти по середине шоссе, а «конвоиры с пленными» – по обочине.

Вовремя. Только-только успели построиться, даже роль как следует не прочувствовали, а из-за поворота, сопя и попыхивая, выполз серенький, невзрачный «Фарман», тянущий полевую кухню. За рулем старенького трактора, выпущенного не позже конца двадцатых годов, восседал упитанный капрал в грязно-коричневом обмундировании.

Увидев на дороге неожиданное препятствие, он тем не менее даже не подумал скинуть газ или принять правее. Наоборот, румын приподнялся, высунул голову в окно и проорал, перекрикивая тарыхтение двигателя:

– *Hei, germanii! Nu se pierd? Aici, Rom nia, nu Germania!*

Он очень старался, чтобы его слышали. Поэтому сам ничего не замечал вокруг и не успел ничего понять. Да и почувствовать, наверное, тоже. Удар ножом под основание затылочной кости убивает мгновенно. Так добивают оглушенного быка на скотобойне. Очень удобно... А главное, не оставляет дыр и пятен крови на обмундировании.

Удар нанес старшина, запрыгнув на фаркоп, а Малышев, не теряя ни одной секунды, подскочил сбоку и потянул труп из кабины наружу.

– Трактор не останавливать! – распоряжался дальше Корнеев. – Китель убитого и пилотку мне. Старшина, оставайтесь на месте. Гусев, подай ему винтовку. Кузьмич – твоя задача пулемет. Андрей... – Капитан подавал китель, так что можно было не кричать. – Ты с лейтенантом держись позади кухни. Для двоих там хватит укрытия. Как только старшина выстрелит, отработайте по снайперу. Остальным не высовываться, пока не позовем. На вас охрана части секретной установки, которую мы унесли из лаборатории «Аненербе»... Ну, и о золотишке тоже не забывайте. Хватит на истребитель – назовите его «Призраком». В общем, действуйте по обстановке... если что. Старший – майор Петров. По местам!

Корнеев натянул китель повара поверх своего, даже не расстегивая. Как балахон. Все-таки что ни говори, а возле кухни служба если и не тетка, то уж наверняка не мачеха. Впрочем, если принять во внимание, что подполковник живой, а повар нет – утверждение спорное.

Николай нахлобучил на лоб пилотку, так что она едва к носу не сползла, пожалел, что это не фуражка, и залез в кабину.

Там первым делом опустил противосолнечные щитки. Подумал и пару раз плюнул на лобовое стекло, кое-как растер ладонью слюну. Получились весьма неопрятные и мутные разводы. Теперь снайпер, если посмотрит в прицел, вряд ли сможет разглядеть черты лица «трак-

ториста», с которым он вполне мог быть знаком. А особых примет, типа усов или шрама через все лицо, у покойного не имелось.

Оглянувшись, Корнеев увидел только прикорнувшего на фаркопе старшину. Ни Малышева, ни Гусева позади кухни заметно не было. Даже тени их укладывались в общую... Впрочем, это уже не существенно. Вряд ли румынский снайпер столь наблюдателен. Старшина Телегин – да, тот мог бы заметить и подобную мелочь, но ведь не все выросли в тайге. Да и вид приближающейся полевой кухни сам по себе расслабляет, настраивая совсем на иные думы. Не хуже полуобнаженной девушки, выходящей из реки в лучах прожекторов...

Тут Корнеев вспомнил о Лейле, а следом и о Степаныче. Как они там? Живы ли?..

«Отставить! Не о том думаешь, Коля! – мотнул головой подполковник, понимая, что следующая мысль будет о Дашеньке. А это уж совсем ни к чему. – Соберись! Да и газку немножко подбавь... Меньше времени тебя разглядывать будут».

«Фарман» пыхнул дымком, неторопливо миновал утес, повернул левее и покатился напрямиком к маяку.

* * *

Несколько наиболее проголодавшихся или изнывающих от скуки и безделья румын, что-то оживленно галдя, двинулись навстречу трактору. Это было совершенно некстати и не входило в планы Корнеева. Разве только как свидетельство, что дорога не заминирована. Так что подполковник включил самую высокую передачу и до упора вдавил в пол педаль газа. От такого обращения старенький трактор, который, наверное, со дня выпуска так не понукали, возмущенно выстрелил клубком черного дыма и аж подпрыгнул на месте, удерживаемый прицепной кухней.

К счастью, солдаты не посчитали это странным, а наоборот, весело расхохотались, расценив перегазовку как намек на то, что полевая кухня изо всех сил поспешает доставить бойцам ужин. Вот только силенок маловато.

– Mutare, Милош! – проорал кто-то, называя повара по имени. – Mutare!..

Это не смертельно, но теперь точно подъехать вплотную к маяку не получится. Вблизи подмену раскроют сразу. И тем не менее еще пару метров можно выиграть.

Корнеев открыл дверцу и, не высовываясь, проорал одну из нескольких румынских фраз, которые обязан знать каждый уважающий себя бессарабский босяк. Весьма специфического толка... Грузин, к примеру, за такое оскорбление убил бы на месте. А эти – грязно-коричневые – только скорчились от смеха, похлопывая друг друга по спине.

«Ну, повеселитесь чуток... Перед смертью оно полезно. В гробу красивее смотреться будете. Пора!»

Корнеев резко вывернул руль и принял вправо так, чтобы трактор встал боком к окошку на фасаде домика наблюдателя. При этом хотел сбить кого-то из солдат, для создания дополнительной суety, но не получилось. Румын увернулся. Впрочем, суeta при этом все же возникла. Даже больше ожидаемой. Разъяренные солдаты побросали винтовки и, матеря на чем свет стоит пьяного повара, полезли вытаскивать Корнеева из кабины. Всячески мешая друг другу...

Из-за их воплей подполковник даже выстрела не услышал. Увидел только, как дернулся кто-то в чердачном окошке. А в следующую минуту застрочили автоматы Гусева и Малышева.

Достали... Снайпер так и кувыркнулся вниз, словно переспелый плод. Зря он на грушу полез. Единственное дерево на всю округу, а он «гнездо» устроить решил.

И только теперь румынские солдаты опомнились, замесались по двору – кто пытается схватить оружие, а большинство – в поисках укрытия.

«Поздно, Федя, пить «Боржоми»!»

Корнеев спрыгнул с трактора и длинной очередью снял сразу троих – из тех, что больше других проучить повара хотели и далеко отбежать не успели.

Гусев бросился к дому смотрителя, заходя слева. Малышев метнулся под грушу. Старшина остался на прежней позиции, приняв упор на крышу кабины и выискивая цель.

Если тут отделение, то как минимум пятерых еще не хватало.

Четверых! Именно в этот момент Телегин выстрелил. А таежный охотник пули зря не тратит. Если нажал на спуск, значит, одним врагом меньше стало. На чердаке дома что-то загрохотало, как от падения пустой железной бочки, и ствол пулемета пропал из оконного проема.

Больше не думая о пулемете, Корнеев нагнулся к убитому румынскому солдату, взял у него из подсумка гранату и побежал к дверям дома. Присел сбоку, толкнул створку, выдернул чеку, выждал пару секунд и забросил гранату внутрь. Отпрянул под защиту стены...

Взрыв в закрытом помещении если и не убил вражеских солдат, то оглушил наверняка. Пока те не опомнились, Корнеев заскочил в дом и на всякий случай полоснул очередью. Потом отпрыгнул в сторону и, держа автомат наизготовку, огляделся.

В клубах оседающей пыли и крошева осыпавшейся с потолка штукатурки были видны тела всех остальных румын. Трех посеколо осколками насмерть, четвертый еще дышал. Но по кровавым пузырям изо рта понятно, что не жилец. И для допроса тоже не годится. Николай поднял автомат, перевел его на одиночную стрельбу и пулей в грудь добил врага.

Потом вышел во двор.

– Кажется, все... Гусев, Кузьмич, осмотритесь вокруг. Андрей! Зови Петрова. Пусть поглядит вход в маяк. С румын станется заминировать...

– Есть.

Малышеву и бежать никуда не пришлось. Только рукою махнул. Сапер и оба летчика, как только началась стрельба, вышли из укрытия и смотрели в сторону маяка. Никому из них даже мысль не пришла, что операция по его захвату может сорваться.

Заметив знак, Петров тут же припустил со всех ног, понимая, что теперь его очередь. Летчики – задержались. А чего суетиться? Все идет по плану. Да и сундучок с сокровищами тяжеловат... С ним не побегаешь.

– Яша, а чего мы с ним тягаемся? – неожиданно спросил Колокольчиков. – Давай здесь оставим. Под скалой. Вон, гляди, какая симпатичная ямка. Присыпать немного, и все дела. Вряд ли нам на маяке дадут засидеться... А будем уходить – тогда и прихватим.

– Годится, – Яков Гусман питал особенное, унаследованное от предков почтение к изделиям из драгоценных металлов, но таскаться с этой тяжестью капитану тоже надоело. – Зарывай... А я схожу, о пище побеспокоюсь. Наши друзья разведчики воевать горазды, но под горячую руку вполне могут даже кухню взорвать...

Вход в маяк оказался не заминирован. Либо румыны были слишком уверены в своих силах, либо пожалели добротное сооружение. Свое же, не чужое. Это на советской территории они бы не задумываясь разнесли маяк до основания... только чтобы лишний пост не выставить.

– Я наверх, – кинул Петров и вошел. Майору предстояло подняться на высоту семиэтажного дома, а это не минутное дело.

Корнеев прислонил автомат к стене дома и присел на корточки. Первую часть задания, принятого от героически погибшего мичмана Стаднюка, группа выполнила.

– Вот это, я понимаю, фарт! И маяк взяли, и кушать подано... – Андрей хлопнул по плечу Телегина.

– Потому что наше дело правое, – проворчал Кузьмич, – и враг будет разбит.

– Это верно. А ну-ка, старшина, поглядим, чем румыны питаются...

– Известное дело, чем, – отозвался от кухни капитан Гусман, приподнимая крышку котла. – Солдатская каша во всем мире одинакова. Дробь шестнадцать... – и тут же сам себе возразил: – Не, братцы, не перловка. Кажись, мамалыга. Точно, чтоб мне с этого места не сойти. С жареным луком и шкварками. О! А вот за это отдельное спасибо! Гляньте!

Яков развернулся к товарищам, распахнув руки, как для объятий. На каждой висело по несколько колец колбасы.

– Не знаю, из какого она мяса, может, и из конины... но чеснока точно не жалели.

– Хорошо, что нам не в поиск идти, – хмыкнул Телегин. – А то я даже отсюда запах чую.

– Как метко заметил Михаил Кузьмич, – хохотнул Малышев, – мы и так уже во вражеском тылу, стало быть, бояться нечего. Так что насыпай, Яша. Пожирнее да погуще... Можно с горкой.

– И то верно, – поддержал друга Корнеев. – Пора подкрепиться. Иван, возьми себе полкольца колбасы, отломи хлеба и дуй к пулемету.

– Командир, никого ж вокруг, – замялся Гусев. – Дай горячего пожевать. Которые сутки уже всухомятку.

– Угу, – кивнул старшина Телегин. – Румыны тоже думали, что они тут одни загорают.

– Не бойсь, Гусь! – поддел его Колокольчиков, встав рядом с кухней и похлопывая по столитровому котлу. – Мы все не слопаем. Оставим и тебе чуток...

– Отставить шутки.

Подполковник Корнеев знал эти моменты безудержного и как бы беспричинного веселья, овладевающего всеми выжившими после боя. Как и то, что прекращать его надо вовремя.

– Лейтенант Колокольчиков!

– Я.

– Наполнить котелки и вторым номером к пулемету.

– Есть...

В это время в дверях маяка показался взопревший Петров. Виктор тяжело дышал, все же бег по лестницам не самое легкое упражнение, и вытирал пот.

– Маяк технически исправен, командир. Топливо имеется. Можно зажигать в любую минуту.

– Вот и ладушки... Поздравляю, товарищи. Первую часть поставленной задачи мы выполнили. – Корнеев взглянул на часы. Стрелки показывали без четверти девять. – Капитан Малышев, организуйте питание личного состава. Всем оправиться. Почистить оружие. Можно курить.

Глава вторая

Хваленая мамалыга оказалась всего лишь недосоленной кукурузной кашей. Зато хорошо разваренной, горячей и щедро сдобренной шкварками. Так что все, кроме Корнеева, имевшего возможность отобедать в замке графа Соколовского, наминали так, что только за ушами трещало. По две порции как минимум. Может, и от третьей добавки не отказались бы, но старшина решительно захлопнул крышку.

– Правильное решение, Кузьмич, – одобрил Корнеев. – Сытое брюхо к науке глухо. А у нас еще непочатый край работы. Товарищи офицеры, есть мнение, что пропавшего повара станут искать. И примерно через час – полтора нам стоит ждать гостей. Какие у кого по этому поводу будут соображения?

– Пусть ищут, – Малышев отодвинул пустой котелок и лег на спину. – Кто ищет, тот всегда найдет. Не роту ж они за кухней пошлют? Максимум пару вояк на мотоцикле... или на велосипедах. А то и вовсе верхом прискачут. Я слышал, у них там до сих пор кавалерийские дивизии воюют. Иван их и снимет одной очередью. Надо только сказать, чтобы не спешил лейтенант, поближе подпустил...

– И вот тогда можно ждать роту, – проворчал Телегин.

– Согласен, – поддержал старшину Корнеев. – Причем в этом случае румыны припрутся гораздо раньше, чем мы зажжем маяк. А оно нам надо?

– А несчастный случай подойдет? – ухмыльнулся Петров.

– Есть идея?

– А вон, – Виктор ткнул пальцем в гору. – Могу организовать небольшой оползень. Аккурат на повороте. Не повезло повару, что подделаешь... Бывает.

– Годится, – одобрил предложение сапера Николай. – Сколько времени тебе для этого нужно?

– Забрать у румын с десятков гранат, дойти до горы, заложить и рвануть заряд, – пожал плечами тот.

– Ну так чего сидим? Вперед. Андрей, Кузьмич, подсобите майору. А я трактор подгоню.

– Командир, ты только сперва каши набери еще чуток, – Малышев говорил вроде в шутку, но при этом глаза его не улыбались. – Сомневаюсь, что с утра нам регулярное довольствие организуют.

– Есть сделать продуктовые запасы...

Корнеев сходил в дом смотрителя, взял с кухни ведро, самую большую кастрюлю и вручил их Гусману. Тот наполнил посуду доверху и поставил в тень, прикрыв полотенцем. Шутки шутками, а их и в самом деле никто кормить не будет. На войне оно всяко бывает, особенно в наступлении, но если имеется возможность, почему не озаботиться.

Кроме мамалыги с кухней приехало пятнадцать буханок хлеба и десять колец колбасы. На отделение. Значит, это не только ужин, но и завтрашний паек. Жаль харчи переводить, но если кольцо колбасы может на несколько часов задержать врага – то какие могут быть еще подсчеты!

– Яков, ты приберись тут чуток... – Николай взглядом указал на труп снайпера, который всего лишь оттащили в сторону. – Мало ли, – подполковник ткнул пальцем в небо, – пролетит кто-то мимо, и вся наша игра накроется медным тазом. А заодно и в доме тоже...

– Я понял. Сделаю.

Подполковник сел в кабину, развернул трактор и повел его обратно.

Место для оползня Петров выбрал так, чтоб не было видно с маяка. Несколько метров до поворота. Иначе у любого возник бы вопрос, почему охрана не пришла на помощь. Кстати, оттуда на север и северо-восток открывался чудесный вид на безлюдную степь вдоль побере-

жья, а на западе возвышалась еще одна гора. Точь-в-точь такая же: крутобокая, каменистая и непригодная для строительства жилья... Исходя из чего можно было предположить, что в радиусе восьми – девяти километров нет населенного пункта, способного разместить серьезный гарнизон.

Значит, после того как румыны заметят, что маяк работает, у десантников и группы Корнеева будет не меньше часа до подхода основных сил врага. Будет время занять оборону или, наоборот, развернуть наступление.

– Два метра вперед и чуть левее... – распорядился сапер. – Стоп! Все. Запихивайте повара в кабину и отойдите.

– Подожди, командир, – старшина Телегин быстро спустился с горки. – Один штрих остался.

Кузьмич перевернул мертвого румына лицом вниз, поднял с обочины увесистый булыжник и с силой ударил труп по затылку.

– Вот, теперь можно и в кабину...

Корнеев кивнул. Молодец старшина, вовремя подумал о следе от ножа. Не факт, что румыны стали бы тщательно осматривать мертвеца, но...

Вдвоем они быстро пристроили за руль еще не окоченевшее тело и отошли.

– Готово! Можно...

– Добро. Внимание! На счет три взрываю. Раз!.. Два!..

Майор как-то так исхитрился все устроить, что грохнуло не слишком громко. На маяке, может, даже не слышно было... Зато гора обиделась всерьез. На шоссе обрушилась настоящая лавина. Трактор снесло, как щепку. Кинуло набок и так протащило метров десять, до половины присыпав землей. При этом покойник очень удачно оказался подмят кабиной. Хотели бы нарочно так его пристроить, и то лучше не получилось бы. Пока полностью не откопают, ни о каком осмотре тела и речи быть не может.

– Отличная работа, майор, – похвалил Корнеев сапера. – Теперь, если что, тут только танком... О броневиках и прочей мелочи можно даже не думать. А разгребать завал – часа на три. Да и то... Нет, не стану я колбасу переводить. До темноты все равно не разберутся, а как маяк полыхнет – уже неважно будет, сам помер Гаврила или галушка задавила.

– Спасибо, товарищ подполковник. Обращайтесь. Люблю я это дело. С детства... Есть-пить не хочу, только б взорвать что-нибудь, – отшутился тот.

– Эх, гляжу я на вас, товарищи офицеры, и удивляюсь, – неодобрительно покачал головой старшина. – При больших звездах уже, да и по годам не пацаны, а право слово, как дети малые. Давно уж строить пора, а не взрывать...

Кузьмич махнул рукой.

– Николай, ты не возражаешь, если я здесь на отдых обустроюсь? Место хорошее... Хвоей пахнет. Природа опять-таки красивая. Я понимаю, для тебя лучше моря ничего и быть не может, а мне здесь нравится. Если на северный склон зайти – почти как дома...

Телегин продолжал все тем же мечтательным голосом вспоминать о тайге и сопках, а Корнеев отвел взгляд и мысленно обругал себя.

«Что-то ты, брат Николай, совсем распустился. Может, прав старшина – море расслабляет? Все равно, хоть два моря, а это ты должен был распорядиться наблюдательный пост выставить, а не подсказки ждать. Это мы только предполагаем, что вокруг никого, а полевую кухню пара солдат искать станет. И того, что прямо сейчас по этой дороге целая дивизия может менять позицию и мимо маяка пройдет, в расчет не берем».

– Конечно, Кузьмич... И в самом деле, чего туда-сюда бегать? Занимай позицию. Помощники нужны?

– Не... Они ж тайком подкрадываться не будут. Да и до полуночи всего ничего осталось... Вздремнуть толком и то не успею.

Положим, тут старшина не прав. В чем Корнеев тут же убедился, кинув взгляд на циферблат. Только-только десять миновало. А на войне каждая минута на счету. Не то что сотня... Но, здраво рассуждая, не должны румыны всполошиться преждевременно. Даже пропажу кухни можно объяснить дюжиной самых обычных причин, начиная с того, что повар решил покемарить пару минуток, а заснул крепче, чем рассчитывал... Здесь же не передовая, чтобы все время начеку быть.

– И все же, Виктор прав – строить пока рано. Майор, погляди, как нам еще один завал устроить, чтобы наверняка дорогу запереть. Позже... если понадобится. Взрывчатки хватит?

– Соберете все, что по подсумкам осталось, а дальше моя забота.

– Понял. Выбирай участок, гранаты сейчас поднесут.

* * *

Первым, как и следовало ожидать, разговор начал Малышев. Да, решение принял командир, но ведь с его подачи группа полезла в этот странный лифт. И теперь, когда выдалась свободная минута, не обсудить ситуацию было по меньшей мере глупо.

– Коля, ты как считаешь, где мы?

Корнеев пожал плечами.

– Знаешь, Андрюха, а мне как-то без разницы. Главное, здесь тоже быют фрицев. А сотней километров левее или правее от направления главного удара – значения не имеет. Все в Берлине встретимся. Или ты по-другому считаешь?

– Нет, ты хорошо сказал. Правильно. Только... – Малышев замаялся.

– Договаривай, коль начал. Чего печь колуешь? Я тебя не сватаю.

– Понимаешь, мы рассуждаем исходя из предположения, что по-прежнему остаемся в своем времени, а если это не так?

– Ерунда, – фыркнул Корнеев. – Фантастики начитался?

– И вовсе нет... Впрочем... Да, я перед войной любил почитывать о разных приключениях. Но особенно запомнилась «Машина времени» Уэллса. Сюжет, откровенно говоря, так себе, буржуйские сопли... Наши Кургузов или Курицын куда интереснее и правильнее пишут, согласно партийной линии... Но идея переноса во времени, мне запомнилась. Красивая...

Малышев перевел дыхание и, пользуясь тем, что товарищ не перебивает и не возражает, продолжил с прежним жаром:

– Вот я и думаю, Николай, а что, если все гораздо сложнее, и этот «лифт» к нам из будущего приехал? Понимаешь?! – от возбуждения Малышев даже остановился, как бы еще раз смакуя в уме такую возможность. – И мы сейчас на черт знает сколько лет вперед перенеслись? Может, на десять, или даже на пятьдесят! Как думаешь, двух пятилеток нашей передовой науке хватит, чтоб разобраться в законах времени? Хотя нет, сразу после войны ученым и без этого будет, чем заняться... Половину страны из руин поднимать. Но к восьмидесятилетию товарища Сталина – обязаны!

– То есть ты хочешь сказать, что в будущем все еще будут фашисты? – Корнеев тоже остановился и выразительно постучал кулаком по лбу.

– Что? – не сразу понял Андрей, а когда понял, отмахнулся. – Нет, конечно... Ерунда. После той бойни, что они сотворили не только у нас, но и в Европе, думаю, весь мир получил вечную прививку от коричневой чумы... – но и расстаться со своей идеей просто так Малышев не хотел. – Значит, это какой-то другой мир, где тоже быют фрицев. А нас сюда забросили в помощь местным товарищам. Как более опытных и закаленных в сражениях.

– Ладно, фантазер, – усмехнулся Корнеев. – Какая в сущности разница? Главное, задача остается прежней – бить врага. Помнишь, как сказал поэт Симонов? – и подполковник по памяти процитировал:

Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал.
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвым стоял...
Так хотел он, его вина, —
Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой...
...Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!¹

— Талант... Прямо в сердце говорит... — Малышев отвернулся, чтобы товарищ не заметил повлажневшие глаза, на миг снова увидевшие мертвое лицо жены. Нет, не зажила еще рана. Только затянулась чуток. И нестерпимая боль прожигает душу от малейшего неосторожного прикосновения.

— Извини, — понял его Корнеев и приобнял за плечи. — Не хотел я о Машеньке... Земля ей пухом и вечная память.

— Я знаю... Ребятам что говорить будем? Они ведь тоже спросят.

— А вот о чем думаем, то и скажем... И они нам. Разберемся, в общем. А если что, так ждать недолго осталось. Как только десант высадится, все сразу прояснится. Где, что и почему на Привозе.

— Тоже верно.

Капитан Гусман зря времени не терял. Во дворе и следа от недавнего боя не осталось. Не только с воздуха — в упор не заметишь.

— Хорошая работа, — похвалил летчика Корнеев.

— Старшина у нас в училище дотошный был, его школа, — улыбнулся тот.

— Добро... Ты вот что, Яков, бери лейтенантов, все гранаты, какие только найдете, и выдвигайтесь к нашим. А Петрову скажи: когда закончит, пусть сразу на маяк идет. Я в общем-то знаю, как лампу зажечь. Видел однажды, пацаном еще. Но лучше, чтоб он здесь был. Пулемет тоже с собою прихватите.

— Как скажешь, командир.

— Может, и я с ними? — предложил Малышев. — Я так понял, ты оборону на горе держать хочешь?

— Имеется такая мысль. Если дорогу надежно запереть, румыны и к маяку не сразу подберутся. Маневр опять-таки не столь ограничен. Мало ли как дело повернется. О десанте мы только со слов мичмана знаем. А он сам почти сутки без связи был, планы у командования могли измениться. А нас на косе запрут, и все... Пали смертью храбрых. Рановато еще, как считаешь? Да и мелко... Разменять «Призрак» на пару жалких взводов, даже не эсэсовцев, а «голубой» румынской пехоты. В общем, добро, Андрей. Действуйте. Петрову скажи: если придет раньше, то я наверху, но пусть зря ноги не топчет. Долго не задержусь.

Маяк, как и море, не имеет национальности. Что бы люди ни рисовали на холстах, бумаге или пергаменте, именуемых картами, какие бы разграничительные линии ни проводили — маяк посылает сигнал всем кораблям, не разглядывая флаги. Даже идущим под черными вымпелами. Возможно, есть в этом безразличии излишняя смиренность, угодная христианской рели-

---

¹ Симонов К. Если дорог тебе твой дом...

гии и прочим глупостям, придуманным для усмирения рабов, а может, наоборот – высшая мудрость и справедливость... Не должны люди гибнуть еще и в море, когда земля так близко.

Вот только «волкам Дёница» рассказал бы кто-нибудь об этом... Которые тоже за «равные права», почему и топят всех, без разбору – и военные корабли, и гражданские суда. Последние даже с большей охотой. Ведь они не ответят «стае».

Топая вверх по железной винтовой лестнице, гулко отзывающейся скрипучим стоном на его шаги, Корнеев думал о превратностях судьбы.

Ведь совершенно же несовместимые вещи – желания человека и то, с чем приходится сталкиваться в действительности. И это если рассуждать вообще, категориями мирной жизни. А о войне лучше и вовсе не вспоминать... Впрочем, если бы раздался сейчас какой-нибудь глас с небес, хоть Творца, хоть космического Разума, и спросил: «А что ты хочешь, Николай? Только говори сразу, не задумываясь!», Корнееву и секунды не понадобилось бы для ответа. Конечно же победы! А потом – вечного мира. И чтобы вместе с Дашуткой где-нибудь на Фонтанке или Вапнярке домик построить. С видом на море, садом и виноградником...

Только не спросит ведь никто. Что тоже в общем-то справедливо... Потому что у каждого человека есть свое заветное желание – к домику у моря не имеющее никакого отношения. Зато многие и многие миллионы хотят мира. И это желание таки исполнится. Непременно. Даже без помощи из Космоса или иной небесной канцелярии. Как бы фрицы ни упирались и какое бы «сверхоружие» не выдумывали – победа будет за нами!

А он, Николай Корнеев, всюду и везде, куда бы ни забросила его жизнь и приказ, будет без пощады бить врага, пока тот не сгинет. Во имя общей и своей личной мечты.

Несмотря на то что внизу даже листик не шевелился, на верхотуре ветер гулял весьма ощутимый. Да и небо что-то темнело не по-летнему, категорически отказываясь выпустить на прогулку звезды. Похоже, собирался шторм. Вряд ли в ближайшие часы – но если по какой-либо причине высадка десанта не пройдет вовремя, то позже – когда волны разгуляются все-раз – кораблям к берегу не подойти.

Значит, задержки быть не должно.

Корнеев сел на не остывший еще бетонный пол и прислонился к такой же теплой кирпичной стенке. Здесь, на смотровой площадке, было хорошо. Соленый ветер, шум моря... казалось, маяк даже покачивается чуток, как колыбель. Сколько он уже не спал? Вторые сутки на ногах или третьи? Надо хоть немного отдохнуть.

Давно, если считать по военному времени, когда старший лейтенант Корнеев был на двухнедельных курсах подготовки фронтовых разведчиков, один из инструкторов «Смерша» объяснял будущим командирам разведвзводов, что человек может обходиться без пищи и сохранять боеспособность больше двадцати суток. Без воды – до десяти. А без сна – максимум трое суток. Поэтому умение правильно спать важно для разведчика не меньше, чем ловкость, сила, умение ориентироваться на местности и другие боевые навыки.

Кто-то из курсантов шутя заметил, мол, за линией фронта не до сна будет, дома отоспимся. Но инструктор жестко оборвал шутника и очень серьезно объяснил, что те, кто так думает, имеют все шансы из поиска не вернуться. А он здесь для того и теряет время, чтобы научить их и этой хитрости. Потому что, в отличие от тела, мозгу нужны не часы, а минуты отдыха. И если уметь их правильно использовать, выкраивая на сон по десять-пятнадцать минут два-три раза в сутки, можно бодрствовать неделями, не теряя связи с реальностью.

Конечно же все эти перегрузки после скажутся на здоровье, но для того, чтобы ощутить последствия, хорошо бы сначала выжить.

Корнеев уселся поудобнее, вынул пистолет, разрядил его, взял в одну руку оружие, а в другую магазин. Потом положил руки на колени так, чтобы кисти свободно свисали, и закрыл глаза.

Теперь, как только мышцы расслабятся – предметы выпадут из пальцев, – в тот самый миг, когда отдохнувший мозг решит, что можно и всему остальному организму дать передышку... Минут через десять. Вот только организму придется подождать. Не до него сейчас.

* * *

Когда подошел майор Петров, Корнеев стоял над обрывом и глядел вниз, на белеющуюся прибрежную полосу. Краткий сон чутко взбудрил подполковника, хотя, если честно, за пару часиков непрерывного сна Николай не задумываясь отдал бы недельный допнаек. Еще и бутылку трофейного коньяка сверху накиннул.

– О чем думу думаешь, командир?

– Как там? – вместо ответа спросил тот.

– Все путем... Рванем – мало не будет. Без бульдозера и за сутки не управятся расчистить.

Да и то...

– Добро, – Корнеев как бы и не совсем слушал сапера. – Похоже, Виктор, у тебя сегодня бенефис. Гляди сюда, – он указал вниз. – Помнишь, что мичман сказал?

– Ты о минах?

– Именно. Решая первоочередные задачи, мы о них забыли. А десанту здесь наступать. Какие будут соображения, майор? Я понимаю, что в темноте разминировать весь участок даже не зная его границ, затея бессмысленная. Но что-то же можно предпринять? Или нет?

– Можно, командир, – Виктор продемонстрировал Корнееву подсумок с тремя трофейными гранатами. – Специально оставил. Обрушим часть берега и похороним все мины разом. Только нашумим изрядно.

– Золотая голова, – искренне похвалил сапера Николай. – Выбирай место и командуй, чем подсобить. Что до шума, так мы торопиться не будем. Рванем, когда враг о нашем присутствии узнает. Оно нам даже на руку встанет. Взрыв на дороге, здесь... Малыми силами, без разведки, побоятся сунуться. А это дополнительное время...

– Годится, – демонстративно потер ладони Петров. – Когда еще доведется целым подполковником покомандовать! Помнишь, как мы на свечном заводике шуровали и ты вроде тоже у меня как бы в подручных ходил? Но тогда ты еще, как и я, майором был.² Теперь – другое дело. Ищи веревку подлиннее, командир, будешь мне ассистировать.

– В смысле?

– В скалолазов поиграем, – похоже, Виктору действительно нравилось быть в центре внимания. Чувствовать себя необходимым. От этого и настроение у сапера приподнятое. С куражом... – Я с горки вниз полезу, а ты меня поддержишь. Да чего там объяснять, сам все увидишь.

Домовитый мужик, видать, был покойный смотритель. Нашелся в его хозяйстве и канат. Добротный, крепкий... Метров десять. Яхту швартовать можно, не то что человека на весу удерживать.

Петров обвязался вокруг пояса, прихватил саперную лопатку, подсумок с гранатами и полез вниз. Выбрав самую крутизну...

Пока сапер ковырял берег, Николай впервые за все время и теперь уже с посвежевшей головой попытался осмыслить ситуацию без лукавства. Ведь как ни крути, случившееся с группой выходило за рамки здравого смысла. И если отбросить «машину времени» и прочую мало-научную бессмыслицу, то что же произошло на самом деле? Их усыпили каким-то газом, а потом спящими вывезли из замка и доставили сюда? Зачем? Какой смысл? Тем более фашистам... Очередной эксперимент? Или все это лишь бред, галлюцинация? А на самом деле все они лежат сейчас без сознания все там же, в тайном подземном переходе старинного польского

---

² Петров упоминает события, описанные в первой части трилогии «Малая война», романе «Операция «Прикрытие».

замка? М-да, незавидная перспектива. Не приведи Господь... Потому что закончится пробуждение пленом. В лучшем случае – смертью. А в документах укажут «пропал без вести».

Сапер завозился, меняя место закладки, канат дернулся и натянулся сильнее, возвращая Корнеева к реальности.

– Чур меня... – сплюнул тот, как полагается, через левое плечо, прямо в глаза черту. – Дудки. Пока считаю, что живой – то и действовать буду соответственно.

– Чего расплевался, командир? – похоже, лейтенант Колокольчиков понемногу начал осваивать премудрости разведки. Или это Николай так задумался, что шагов штурмана не услышал. – Я настоящий, не привидение. Рыбу ловишь?

– Акулу... на живца, – недовольно проворчал подполковник, злясь на собственную беспечность. Раньше незамеченным подобраться к нему мог только старшина и, иногда, Малышев. – Докладывай – с чем пожаловал?

– Так это... гости у нас были. Не поверишь – верхом. На лошадях... Кавалерия на марше. Мечта маршала Буденного! Словно не сорок четвертый на дворе, а тридцатые годы. Только тачанки не хватало.

– Не тараторь... По делу докладывай.

– Есть доложить по делу... – Петруха сел рядом и вцепился в канат, перенимая на себя часть веса. – В общем, прискакали трое румын. Спешились, погалдели, полазали по завалу, попытались достать повара, но кабину так сплющило, что без автогена и пытаться нечего. Либо металл резать, либо повара. Обматерили все, что увидели, тыкая пальцами в маяк... И ускакали. За оружие не хваталось и вообще вели себя весьма беспечно. Так не сыграть...

– Откуда знаешь, что ругались? Понимаешь по-румынски?

– Не, – ухмыльнулся летчик. – Интонация соответствующая. Да и что в такой ситуации еще сказать можно?

Корнеев кивнул.

– Значит, уловка сработала... Это хорошо. Час-другой выиграли.

Глава третья

Луч маяка пронзил ночную тьму ровно в час после полуночи, и с этого мгновения потянулись томительные минуты ожидания. Самое худшее и отвратительное ощущение: сделано все, что требовалось, что смог... и от тебя больше ничто не зависит.

Корнеев в который раз посмотрел на часы. Покрытые фосфоресцирующим составом стрелки двигались так медленно, словно были залиты патокой. Казалось, прошла целая вечность, а на самом деле – едва двадцать пять минут.

– Ну что, командир, пора?

– А давай...

Петров не переспрашивая дернул за веревку, и глухой гул заставил берег вздрогнуть. Заряд заложили глубоко и достаточно низко, чтобы сдвинуть пласт побольше, так что, вопреки опасениям, получилось совсем негромко. Зато – весьма эффектно. Оползень получился отличный... И вот он уже разгулялся во всю Ивановскую. Вместо того чтобы похоронить мины под толщей почвы, свалившаяся тяжесть заставила их сдетонировать. И взрывы забухали один за другим, словно при артобстреле.

– Черт! – пробормотал Корнеев. – Хотели как лучше, а вышло как всегда... Надеюсь, десант из-за нашей самостоятельности не отменят.

Ночное море молчало. Нарушить режим секретности – все равно что провалить операцию окончательно.

Подполковник снова посмотрел на часы, соизволившие наконец-то ожить и отмерить целых десять минут, – и в тот же час прибрежные волны ожили. Как перрон после прибытия рабочего поезда. Подсвеченные отблесками маяка, из темноты накатывали десятки шаланд, идущих под парусами, и разворачивались в полусотне метров от берега. Из одних спускали шлюпки, а из других бойцы прыгали прямо с бортов в море и пускались вплавь.

– Эй, на маяке! Туши фонарь! – проорал кто-то из капитанов десантной флотилии в рупор.

Ожидая чего-то подобного, Корнеев заложил пальцы в рот и трижды свистнул. Майор Петров, только и ждущий сигнала, тотчас опустил заслонку, приглушив свет до минимума. Так что от широкого конуса осталась лишь яркая точка, видимая исключительно с моря. Зато само побережье и высаживающийся десант снова поглотила ночная темень.

И как раз в этот момент где-то там, на воде, прогремел мощный взрыв... Подполковник замер в ожидании, но взрыв не повторился.

– Похоже, на плавучую мину наскочил кто-то. Не повезло бойцам... – пробормотал Корнеев.

Подполковник сошел чуть ниже по склону и остановился, подсвечивая себя фонариком. Для этого ему пришлось поменяться с сапером кителями. Кто знает, как отреагировали бы десантники, увидев перед собою эсэсовского офицера? Когда люди в таком напряжении, они вполне способны сперва на спусковой крючок нажать и лишь затем подумать.

– Кто здесь? Назовитесь! – властный голос не оставлял сомнений, что вопрос задает кто-то из командиров десантной группы.

– Майор Корнеев. Фронтная разведка.

– Разведка?... – переспросил тот же голос, не приближаясь. – Документов, значит, никаких.

Корнеев молча развел руками. Мол, сами все понимаете.

– А наши парни где? Старший лейтенант Васин? Мичман Стаднюк?

– Мы только мичмана нашли. Он о маяке и сообщил... Остальных не видели. Скорее всего, румыны тела в море побросали.

– Мы?! – чуть напряженно уточнил все тот же голос.

– Группа «Призрак». Кстати, товарищ офицер, вы бы тоже представились. Для порядка.

– А откуда мне знать... майор, что ты правду говоришь?

– Ну, дорогой товарищ, тут либо да, либо нет. Я, кстати, и не прошу мне верить. Маяк работает? Десант прошел успешно? А дальше сам гляди, что, где и почему на Привозе. Или мне за тебя еще и поторговаться?

– Одессит, что ли?

– С Пересыпи. А что?

– А я с Молдаванки...

Ночь наконец-то расступилась и выпустила высокого, темнолицего, как негр, мужчину в черной морской форме. У моряка белели только полоски на тельняшке и зубы. Он закинул автомат на плечо и с форсом откозырял.

– Командир сводной роты морской пехоты, капитан-лейтенант Тарасов. Ну, здоров будь, что ли, земляк.

– И тебе не хворать, капитан. Обстановку тебе докладывать, или есть кто постарше? – Корнеев вопросительно посмотрел еще на одного морпеха, судя по кителю, тоже офицера. Знаков различия в темноте видно не было. Да и держался он так, что почти весь прятался за спиной Тарасова.

Заметив это, капитан-лейтенант оглянулся.

– Не, майор... Здесь мы с тобою самые старшие. Это моя правая рука. Старший политрук Артюхов. Потом пообщаетесь. А теперь о деле давай. Обрисуй картинку... Вкратце. Где противник? Какими силами? Подробности проясним, когда десантирование закончится.

– Местность изучали?

– Как свой карман.

– Где находится ближайшее войсковое подразделение румын, я не знаю. В соприкосновение не вступал. Бой вели только по освобождению маяка. В полукилометре на запад моя группа организовала оползень, который перекрыл дорогу на север. Если надо, можно повторить. Склон заминирован. Румыны о завале на дороге уже знают, примерно час тому здесь были их разведчики. Но что маяк захвачен нами, у них информации нет. У тех, кто ваших бойцов положил и организовал охрану объекта, не было ни рации, ни полевого телефона. Шоссе на юг свободно. Моя группа занимает оборону на склоне горы, в районе оползня. Отряд румын, который пришлют для расчистки завала, ждем в ближайшие час – полтора. Если, конечно, румыны не решат, что это дело неспешное и вполне может подождать до утра.

– Принято, – мотнул головой капитан-лейтенант. – Но похоже, вкратце не получится. Придется потолковать обстоятельнее. Чуть позже. Тебя как звать, майор?

– Николаем.

– А меня Сеней, – командир морских пехотинцев подал руку, и офицеры обменялись пожатием. – Так вот, Коля, чтобы не путаться друг у друга под ногами, я предлагаю следующее: бери подкрепление, возвращайся к своей группе, и ждите меня там. Разгребу чуток, подгребу... Тогда и поговорим в деталях. Тебе ведь тоже есть о чем спросить?

– Имеется интерес, – кивнул Корнеев. – Но можно и обождать.

– Значит, договорились. Лейтенант Свердлов! Ко мне!

Из ночи вынырнул такой же «черный» офицер. Роста среднего, зато в плечах – как полтора Корнеева.

– Товарищ капитан...

– Отставить. Володя, бери свой взвод и следуй с майором. Он покажет, куда. Занимайте оборону. Скорее всего, там и будем держать рубеж. Байки травить разрешаю, военные секреты без меня не выдавать. Вопросы есть?

– Никак нет.

– На маяке сейчас майор Петров. Наш сапер. Пошли кого-нибудь, кто в технике смыслит, чтобы подменил. Да... Майор скорее всего будет в кителе оберштурмфюрера СС. Не подстрелите сгоряча.

– Принято... – Корнееву показалось, что в голосе Тарасова прозвучало удивление, но тот ничего переспрашивать не стал. Ну и Николай не стал отнимать время у командира десантного отряда. Пожара нет. Пока румыны сообразят, что здесь происходит на самом деле, они успеют обсудить все вопросы... и в общем, и в деталях. А пока, для поговорить за жизнь и лейтенант Свердлов сгодится.

Корнеев посмотрел на кишачий десятками людей, еще минуту тому пустынный берег и пошел к домику смотрителя. Там его и нагнал широкоплечий лейтенант.

– Товарищ майор, приданный вам взвод готов к выдвижению. Командир взвода лейтенант Свердлов.

– Вольно, лейтенант. Выдели парочку бойцов, пусть вон ту посуду прихватят, – Корнеев указал на кастрюлю и ведро. – В ней допмак. Выдвигаемся по шоссе на север до завала через дорогу. Там нас встретят. Враг далеко, так что шагайте свободно. Играть на гармошке и орать «Яблочко» не стоит, все остальное не возбраняется. Курить тоже можно. Потом не до перекуров будет. Только в рукав... Огонек далеко видать.

– Шутите?

– И не думал, Володя. Я в разведке давно, и что такое ночной десант, знаю не понаслышке. И как после высадки кровь бурлит – тоже понятие имеется... Так что пусть парни пар стравят. Пока до рубежа обороны топаем. А вот там, как окопы себе оборудуете, придется затаиться так, чтобы даже комары не замечали. Все ясно?

– Так точно... Командиры отделений! Ко мне!

* * *

Теперь время бежало вперед, словно поднятое в атаку. Только-только успели разведчики передать занимаемые позиции морской пехоте, вкратце ознакомив бойцов с обстановкой и особенностями местности, указав наиболее удобные места для расположения огневых точек, а часа как не бывало.

Корнеев даже собственным глазам не поверил, сверился с хронометром Малышева. Но все минутки оказались на месте, ни одна не покинула строй...

– А вот и я! Прикатилась торба с высокого горба. – Не услышать приближение капитан-лейтенанта Тарасова мог бы только радист, работающий с передатчиком. Из-за наушников и писка морзянки. Он не просто топал, а намеренно хрустел валежником и ломал руками подворачивающиеся ветки. Как разъяренный зубной болью медведь.

– Большие потери? – по-своему понял паршивое настроение командира группы Корнеев.

– Нет, тут как раз, можно считать, подфартило. Мои все уцелели. Даже боеприпасы не замочили.

– Тогда что не так? Ты, вон, деревья чуть сапогами не пинаешь со злости.

– Западло случилось, разведка... – Тарасов снял фуражку и вытер ладонью лысеющую макушку, похожую на тонзуру католических священников и монахов. – Не самое худшее, но неприятности сулит огромные. Взрыв слышал?

Корнеев кивнул.

– С нами высаживалась группа парашютистов. Вот их лодка на «ежа» и наскочила. Видно, в шторм сорвало с якоря и к берегу прибило. Всех десятерых разом и накрыло...

– Что поделаешь, – развел руками Корнеев. – Война... Значит, судьба такая парням выпала.

– Это понятно, майор. Жалко ребят, но не о том моя печаль. Вместе с ними рация на дно ушла.

– Хочешь сказать, что вы с одним радистом на два отряда высаживались?

– Нет, конечно... – капитан-лейтенант снова вытер лысину. – У парашютистов своя рация, у меня своя. Но тем же взрывом перевернуло соседнюю лодку. По закону подлости, именно на ней был наш радист. Ефрейтор выплыл, но связи у нас больше нет. У вас, как я догадываюсь, тоже?

– Да уж... – Корнеев поджал губы. – Сюрприз. Честно говоря, Сеня, я сильно на твоего радиста рассчитывал. Мне связь со штабом фронта, как воздух, нужна.

– Это понятно, майор. Не грибы ж вы в румынском тылу собирали. Но... – капитан-лейтенант развел руками. – Знал бы, где упадешь – соломку постелил бы. Впрочем, – Тарасов в третий раз протер многострадальную макушку, – есть одна мысль.

– Излагай.

– Погодь. Я быстро. Одна нога там, другая здесь. Тын папиросу докурить не успеешь... Посмотрю, как тут мои хлопцы расположились. Взводному задачу поставлю, а потом и поговорим. Кстати, где ты их пришвартовал?

Корнеев ткнул пальцем в нужном направлении. Капитан пригнулся, придерживая рукою фуражку, и шмыгнул в кусты.

– Слышал? – Николай повернулся к Малышеву.

Андрей тем временем успел вольготно растянуться под каким-то кустом и даже задремать. К превратностям судьбы капитан относился философски. Сейчас так, а мгновением позже вполне способно случится эдак. И какой смысл напрягаться? Будет поставлена задача, тогда и помозгуем, как приказ выполнить. Чтоб не «любой ценой».

– Слышал.

– И что скажешь?

– Шумят моряки слишком. Как бы румыны их издали не услышали. Такой треск и шорох, как на стройке, а не в засаде.

– Это ладно... Кузьмич с Гусевым почти на километр вперед выдвинулись. Предупредят, если что. Я о связи...

– Первый раз, что ли? Сведений срочных у нас нет, а та железка, что из лаборатории, полежит себе еще чуток. Только целее будет. Десант же не просто так высадили. Если плацдарм готовят, значит, вскоре главные силы подтянутся. Вот тогда будет нам связь, горячий ужин и прочее уважение.

– Верно миркуешь, браток, но неправильно, – капитан-лейтенант Тарасов опять вынырнул из подлеска. – Мы не для плацдарма здесь. Вернее, не совсем для этого.

– Отвлекающий маневр, что ли? А наступать в другом месте будут?

– Снова ты в правильном направлении рассуждаешь, и опять – мимо цели.

Малышев вскочил на ноги, как кот, заведший мышь. Мгновенно и почти бесшумно.

– Вот что, морячок, ты мне тут вола не крути. По части пудрить мозги мы и сами с усами. Говори толком. А то как барышня на Приморском, которая и дам, и не дам. Или дам, но не вам...

Тарасов не обиделся. Даже лысину протирать не стал. Только фуражку чуток на затылок сбил.

– Не кипятись, браток. Я в общем-то как раз собирался командиру группы изложить суть, но если у вас принято всем коллективом батьку бить, то могу и общий доклад сделать.

– Капитан Малышев – мой заместитель, – представил Андрея Корнеев. – Так что ты почти угадал. Впрочем, если интересно, то в разведке чинами не козыряют. На маскхалате погон нет.

– Принято. Тогда присаживайтесь рядком, поговорим ладком... – капитан-лейтенант устало опустил на землю прямо там, где стоял. – И это, братишки... прибауткам да поговор-

кам моим не удивляйтесь. В курсантскую бытность имел несчастье два месяца на одном из северных островов открытия навигации ждать. А из книг там только сборник пословиц имелся. Так что все наши хлопцы заучили его наизусть не хуже Устава.

Разведчики с пониманием кивнули, но комментировать не стали. Не до того.

– Сами понимаете, я не уполномочен посвящать никого в детали операции, но учитывая тот факт, что без вас и десантирования не было бы... – Тарасов вынул из планшета карту. – Ситуация следующая. Штаб фронта разработал операцию «Этажерка». Этап первый – захват маяка и высадка десанта морской пехоты с целью создания и удержания плацдарма. Этим мы и занимаемся.

Моряк развернул карту и, подсвечивая себе карманным фонариком, стал водить по ней пальцем.

– В нашем районе расположены полки румынской 5-й кавалерийской дивизии. Общей численностью примерно семь тысяч сабель. Вот здесь, здесь и здесь... Артиллерийский полк распределен поэскадронно и придан полкам. А здесь квартирует тяжелый эскадрон. У них помимо штатного вооружения дополнительно двенадцать станковых пулеметов, шестнадцать 60-миллиметровых минометов и четыре 75-миллиметровых пушки. Но они порт прикрывают и сюда дальше других добираться будут. Только когда остальные увязнут. Так что место высадки не с потолка выбрано.

Пока было все понятно, и дополнительных вопросов не возникло.

– Проблема, товарищи офицеры, в другом. На самом деле никакого морского десанта не будет. Мы должны только видимость подготовки к нему создать. А на самом деле атаковать будут парашютисты. Вот здесь... – палец Тарасова переместился чуть западнее. – В семи километрах от нас имеется аэродром, на котором базируется 18-я эскадрилья истребителей-разведчиков IAR-37 из состава второй бомбардировочной флотилии. По данным разведки...

Тут капитан-лейтенант сделал паузу, вопросительно глядя на Корнеева. Мол, а не от вас ли, хлопцы, получены эти самые данные? Но подполковник хранил непроницаемое лицо, и морпех, многозначительно помолчав, продолжил:

– В связи с началом ремонта и плановым перебазированием эскадрильи аэродром остался почти без охраны. И парашютисты, которые на mine подорвались, как раз должны были захватить аэродром и обеспечить высадку 47-й авиадесантной бригады особого назначения.

– Парашютистам теперь для высадки аэродром нужен? – хмыкнул Малышев. – Вот бы Олег удивился.

– Чтобы принять планеры и транспортные самолеты. С одними СВТ и ППД много не навоюешь. А Ил-25М два Т-27 или один Т-26 в воздух поднимает. А эскадрилья ТБ-3 почти батальон плавающих Т-38 доставит. Против румынских рошиоров и каларашей³ лучше и не надо.

– Сенья, что ты нам прописные истины талдычишь, – остановил лекцию Корнеев. – Мы начали с того, что остались без связи и у тебя имеется идея, как данное положение исправить.

– Согласен. Но без предисловия не получилось бы. Нам всем нужна связь. Ближайшая рация на аэродроме. Я предлагаю вашей группе взять с собой моего радиста и выполнить задачу парашютистов, пока я тут буду румын сковывать. Для усиления выделю своих разведчиков. В обороне они без надобности, а хлопцы боевые. Каждый пятерых стоит. Особенно главный старшина Кушнир. Кстати, Николай, ты же одессит, должен был о нем слышать. В тридцать седьмом году он стал чемпионом Черноморского флота в полутяжелом весе.

– Кушнир? Владимир? – уточнил Корнеев.

– Он самый...

---

³ Виды конницы в румынской армии до 1939 года.

– Слышал, конечно... Жаль, Васи Купченко с нами нет. Он бы точно такому знакомству обрадовался...

Тарасов тактично смолчал. Глядя на посуровевшие лица, моряку не понадобилось уточнять, где сейчас отсутствующий товарищ.

– Да, – поддержал командира Малышев. – Вася был бы рад. И мы их заочно познакомим. После дела...

– Согласен. Ну, что ж, Сеня, если и остальные твои разведчики не хуже, то так и быть, отберем у румын рацию. А заодно и аэродром захватим. Чтоб два раза туды-сюды не бегать.

– Веселые вы хлопцы, как я погляжу, – одобрительно кивнул Тарасов.

– Ты еще не видел нас веселыми, – хмыкнул Корнеев. – А теперь свети на карту, капитан-лейтенант. Обсудим детали.

* * *

Две минуты шагом, две минуты трусцой. Две шагом, две трусцой...

Понятное дело, никто не отслеживал по хронометру каждую секунду. Просто ведущий колонну, как наиболее подготовленный в спортивном плане, главный старшина Кушнир считал в уме до ста пятидесяти и разводил руки в стороны. Группа переходила на шаг. Еще «сто пятьдесят» – правая рука поднята вверх, и все побежали. Двигаясь таким смешанным темпом можно бежать довольно долго, уставая как от ходьбы, а расстояние преодолевая вдвое большее.

На курсах переподготовки в «Смерше» инструктор рассказывал, что есть еще один метод, придуманный то ли пастухами оленей, то ли североамериканскими индейцами, который позволяет бежать без остановок по несколько часов кряду. В этом случае бегун скорее совершает короткие прыжки, отталкиваясь одной ногой, а вес тела переносит на другую. Через некоторое время работа ног меняется. Но для этого необходима хорошая физическая подготовка и определенные навыки. А в группе Корнеева помимо давненько вышедшего из легкоатлетического возраста старшины Телегина еще и пара летчиков в наличии. А рожденный летать, как известно...

У Корнеева даже мысль мелькнула оставить летчиков с моряками, но Кузьмич уперся категорически. Мол, если судьба нас сюда вместе забросила, то и выбираться надо не поодиночке.

– Ты, командир, не сомневайся и за нами не оглядывайся... Не потеряемся, – заверил он подполковника. – И на месте будем вовремя. Подумай лучше о том, что не просто так у нас в группе оказались летчики, а практически первое задание, с которым мы здесь столкнулись, – захват аэродрома.

На том и порешили. Прав был Кузьмич. Как и Андрей Малышев со своей «машинной» теорией. Что-то не растралось...

Во-первых, слишком жарко. Юг югом, а середина сентября такой погодой редко балует. Во-вторых, световой день, судя по сереющему на востоке небу, явно на пару-тройку часов длиннее, чем даже в самом начале осени. В-третьих, авиадесантные части еще в тридцать восьмом году были переименованы в воздушно-десантные. Это он с училища помнит. А главное – форма у морских пехотинцев, особенно офицеров, старого образца. Со стоячими воротничками и петлицами.

Правда, тут как раз можно найти разумное объяснение. Десант как разведка боем – вот и надели старое обмундирование. Как весь сорок третий год многие пехотные офицеры рисовали звездочки на погонах химическим карандашом, поскольку приказ вышел, а знаки различия завозили не на каждый участок фронта. Особенно когда началось наступление...

В общем, до полного прояснения ситуации с боевыми товарищами расставаться действительно не стоило.

Николай даже часть агрегата из лаборатории «Аненербе» решил прихватить с собой. Пожертвовали только «золотым запасом». Как ни крути, а уж слишком тяжелый. Не дотащить. Пришлось золотишко оставить Тарасову, чем вызвали у капитан-лейтенанта еще больше удивления – касаясь сути задания, которое группа «Призрак» выполняла во вражеском тылу. Но и на этот раз обошлось без вопросов. Понимал моряк: если бы разведчики имели право, сами бы рассказали.

Старшина развел руки, и колонна перешла на шаг.

– Слышь, командир... – Малышеву, похоже, не давали покоя те же сомнения. – Я не понял, а чего у нашего морского старшины все еще треугольники на петлицах? И если наши наступают по всем фронтам, то почему румыны так беспечны? Где линия обороны? Почему здесь одни кавалерийские полки, да еще и расквартированные по населенным пунктам? словно в мирное время.

– А сам ты что по этому поводу думаешь?

– Извини, Коля, – Малышев поправил автомат, словно ему нужно было еще несколько секунд, чтобы принять окончательное решение. – Надоело думать... Разреши действовать?

– Появилась идея?

– Нет, но есть много вопросов и огромное желание получить ответы. – Малышев ускорил шаг и поравнялся со старшиной. – Слышь, Володя... Мы тут слегка с календаря сбились. Не подскажешь, какой нынче день? Вторник или уже среда?

– Шутите, товарищ капитан... – Кушнир ухмыльнулся. – Небось, тоже считаете, что если боксер, то память отбита...

– И мысли не держал. У нас, чтоб ты знал, старшина в группе тоже боксер был. И тоже полутяж. Чемпион Харьковского военного округа. Василий Купченко. Может, слышал?

– Купченко? Нет, не приходилось. Я с Нечипоруком Иваном знаком. Он тоже из Харькова. Спрошу при случае. А что с Василием?

– Погиб старший лейтенант. Недавно... Вечная ему память. Пацана немецкого пожалел и подставился, а у щенка рука не дрогнула. М-да... А мы так замотались, что даже помянуть на девятый день забыли. Вернее, забыли, когда он был... Поэтому и спрашиваю.

– Давно в тылу?

– Без малого почти месяц...

– Тогда понятно, – кивнул главный старшина. – Мы как-то на шлюпке неделю в море дрейфовали. А думали – дней двенадцать... В общем, товарищ капитан, на дворе пятница, восемнадцатое июля. Это я уже сделал поправку на сегодняшнее утро.

Похоже, у старшины все в порядке было не только с памятью. Разговаривая, он еще и считать не забывал. Потому что, ответив Малышеву, еще дважды кивнул головой и поднял руку, давая группе знак, что пора перейти на бег.

Чуть замешкавшись, Андрей снова выровнялся с Корнеевым.

– Слышал? – переспросил почему-то шепотом.

– Не глухой... Хотя, если честно, ушам своим не верю. Был сентябрь – стал июль. Осталось только год выяснить. А то, может, и не сорок четвертый нынче? Впрочем, если бои на румынской территории, то раньше никак не выходит. Ведь на границу с Румынией только в этом году в конце марта вышли.

– Это да... С годом не должно быть расхождения. Но в целом ты убедился, что я прав?

– К сожалению...

– Не понял?

– А ты подумай. Если сейчас июль, то где мы должны находиться? Помнишь, чем занимались в ста километрах западнее Львова?

– Так я и не забывал. Ну и что из этого следует?

– А то, что если мы сейчас выйдем на связь от своего имени, нам никто не поверит. Даже Михаил Иванович. Понимаешь? Это раз. А два – если мы этот июль уже прожили однажды и никакой радиogramмы «из будущего» тогда не получали, значит, и теперь ее не отправим...

– Погибнем, что ли? – Андрей насупил брови и тут же снова улыбнулся. – Подожди, Коля. Так это мы что, типа бессмертными стали? Убьют или нет, а мы все равно живые. Там, в предыдущем времени. Вернее, уже в будущем...

– Не знаю... Но лучше не проверять.

– И то верно, – согласился Малышев. – Будем жить, командир. Подумать только – июль... Это значит, что и Машенька моя...

Главный старшина раскинул руки и сделал ими круговое движение, что означало: «Группа, на месте, стой!» Потом поднял сжатую в кулак левую руку на уровень головы: «Внимание. Вызываю командира!»

Впрочем, все эти сигналы дополнительных разъяснений не требовали. В приближающемся рассвете была хорошо видна темнеющая впереди гора. Группа прибыла на место. Именно там – на срезанной, как буханка хлеба, вершине – располагался румынский аэродром.

Отсюда, с востока, обветренная морскими штормами гора осыпалась и вздымалась круто вверх, как стена неприступной крепости. Зато с противоположной, как утверждала карта, она сбегала в долину покато. Что позволяло выезжать наверх даже тяжелогруженным машинам. И съезжать, к примеру, легким советским танкам – тоже...

Глава четвертая

Проводить захват аэродрома Корнеев решил одновременно с двух сторон.

Помимо владеющего необходимыми навыками старшего лейтенанта Гусева в группе Кушнера оказалось еще двое матросов, хорошо знающих горы. Татарин Мустафа Исламбеков – родом из какой-то крымской деревеньки, и Петр Соколюк – из Ивдельского района на Северном Урале. Им троим была поставлена задача скрытно подняться по обрывистому склону горы. Скорее всего, с этой стороны не должно быть постоянного поста. В худшем случае, если незаметно взойти на гору не удастся, отвлекут на себя внимание часовых.

Остальную группу Корнеев решил вести прямо по дороге. Не прячась. Обычной маршевой колонной. Впереди он сам и Малышев с Петровым. Одетые в немецкую форму, они не должны вызывать подозрения. А прикрывшись их спинами, шестеро морских пехотинцев в черных бушлатах и повернутых задом наперед бескозырьках, тоже не сразу бросались в глаза, издали вполне напоминая бригаду техников. Почему ночью и в сопровождении офицера СС – это уже другой вопрос. И чтоб задать его, надо сперва позволить странным гостям приблизиться. Хотя бы на расстояние прямой видимости. Что в предрассветной мгле равнялось примерно дюжине шагов. Аккурат на умелый бросок ножом...

Как говорил один из маршалов Наполеона, а может, и сам Буонапартый: «Всякое дело можно считать хорошо продуманным, если предусмотрено хотя бы тридцать процентов возможного развития событий». Примерно в таких пропорциях подполковник Корнеев и готовил захват. Получится скрытно – отлично. Придется пошуметь – не впервой. У нападающих перед спящим противником всегда преимущество внезапности. Как бы хорошо ни была поставлена караульная служба, основной массе солдат необходимо не меньше трех минут, чтобы проснуться, прийти в себя и вступить в бой. Да и то при наличии командиров, способных мгновенно оценить обстановку и отдать подчиненным единственно верные приказы.

Но аэродром охраняли не отборные части ваффен СС и даже не «голубая дивизия», а всего лишь румынские тыловые части, никогда особенно не грешившие дисциплиной и боевой выучкой. Так что взять их «на арапа» у Корнеева были все шансы. Осталось только подождать старшину с летчиками. Еще трое в немецкой форме придадут колонне более убедительный вид. А если Кузьмич обещал успеть вовремя, значит, успеет. И поскольку время операции назначено не было, то задержка в пару минут не считается.

Тем более скалолазам надо куда больше времени, чтобы подняться по крутояру, чем остальным прошагать ровной дорогой.

Корнеев поглядел на часы. Да, солнце не обманывает – самый настоящий июль. Четыре утра, а оно уже замерло на исходной, готовое перевалиться через бруствер горизонта, как только будет подан сигнал.

– Внимание. Группе Гусева нужна фора. Поэтому ждем ровно десять минут. Думаю, к тому времени и старшина подтянется. Разрешаю использовать время для личных нужд.

Корнеев хотел объяснить, что если они все равно идут в открытую, то ничего страшного не случится, если корму-то наверху не спится и он случайно обнаружит их раньше времени. Наоборот, такая беспечность даже на руку. Поскольку работает на легенду. С чего бы немцам вести себя скрытно, находясь в румынском тылу? Но, как часто бывает, судьба внесла свои коррективы...

С севера послышался шум автомобиля. Судя по звуку двигателя – грузовика. Корнеев прислушался. Машина, пофыркивая мотором на средних оборотах, неспешно приближалась. Уже и фары тускло блеснули. Соблюдая светомаскировку, водитель включил ближний свет.

– Диспозиция меняется! Малышев! Петров! Оставайтесь рядом со мной. Остальным – залечь на обочине и не высовываться.

– Есть залечь...

Морпехи шмыгнули в сторону и растворились в тени соседствующей с дорогой горы. Одетые в немецкую форму разведчики встали на краю шоссе, повернувшись к приближающемуся грузовику.

– А вот это, братцы, прямо новогодний подарок, – негромко произнес Корнеев. – Действуем по обстановке. Поперед батька не лезть.

Чуть больше минуты понадобилось автомобилю, чтобы приблизиться. Заметив стоящих у обочины немцев, водитель сбавил газ и остановился всего в паре метров. Так, чтобы фары освещали их.

Предвидя такой ход событий, Корнеев властно поднял левую руку, а правую положил на кобуру.

– Motor abstellen! Fahrer, zu mir!⁴

Стоявшие по бокам от него Малышев и Петров навели на кабину автоматы. Андрей даже затвором щелкнул для убедительности.

В подобной ситуации у сидящих в машине, если они не готовы с ходу открыть огонь на поражение, нет шансов уйти. Поэтому Корнеев не удивился, когда водитель профессионально перегазовал, заглушил двигатель и выключил фары. После чего высунул голову сквозь опущенное стекло в дверке и громко спросил:

– Господин оберштурмфюрер! Я, конечно, дико извиняюсь за беспокойство, но вы не подскажете, кудаю лучше проехать до Привоза?

Секунду или две стояла такая тишина, что было слышно, как падают капли росы. А потом Корнеев произнес длинную и непечатную фразу.

– Ай-я-яй... Нет, вы это слышали? – деланно возмущился водитель. – А с виду приличный мужчина.

– Яков... твою трижды краснознаменную крылатую дивизию! Это ты?

– Это мы, командир... – с другой стороны авто подошел старшина Телегин. – Вот, принимай аппарат. Авось сгодится в хозяйстве?

Корнеев пригляделся к машине. Судя по скошенному назад, как лобовая броня танка, переду, это был французский «Рено». Но не обычный грузовик, а с металлической будкой. Вроде автолавки или летучки.

– Ну, вы даете. Где взяли технику?

– Махнули не глядя.

– А точнее?

– Да ну... – старшина явно не горел желанием делиться подробностями.

– Не понял? – Корнеев впервые видел старшину таким... смущенным, что ли.

– Это же санитарка?! – Малышев зашел сбоку.

– Нет, ветеринарная служба... – объяснил Корнеев. Такая же эмблема, как на борту, была нарисована на радиаторе, и подполковник уже успел ее рассмотреть. – Видишь, крест синий.

– А, ну да... Если вокруг одна кавалерия, то ветеринары должны быть нарасхват. Лошадь не человек, сама не пожалуется. За ней пригляд нужен.

Капитан Гусман тоже вылез из кабины и стоял рядом, опираясь на крыло. Не хватало только лейтенанта Колокольчикова. Но как раз в это время двери будки открылись, и из нее выпрыгнул штурман.

– Вот так, значит? – покивал Корнеев. – Отбой, морячки. Это свои. Вылезайте!.. – потом взял Гусмана за пряжку ремня и притянул к себе. – Яков, может, ты меня просветишь?

---

⁴ Заглушить мотор! Водитель, ко мне! (Нем.)

– Да нечего рассказывать, – летчик тоже явно не горел желанием хвастаться удачным делом. – Кузьмич решил чуть сократить дорогу и повел нас наискосок, по склону... через подлесок. Гору обогнули, а там эта колымага и стояла.

– Ой, темните вы, братцы. А ну, колись, пилот, о чем не договариваете? Не заставляй командира голос повышать...

– Мамой клянусь, ничего важного.

– Рассказывай неважное. Ну, не томи... С какого рожна ветеринаров ночью в лес занесло? Гусман поскреб в затылке.

– Ну, они это... Занимались тем, за что Господь сжег Содом и Гоморру. Понимаешь?

– Тьфу... – Корнеев поморщился.

– Кузьмич сказал примерно так же, – кивнул Гусман. – И прикончил обоих на месте.

– И правильно, – поддержал решение старшины Малышев. – Это по-нашему. Язык не нужен... все равно румынского никто не знает. А врага положено уничтожать. Молодец, старшина.

– К разговору о личной инициативе мы еще вернемся... после завершения операции, – недовольно дернул подбородком Корнеев. – Сейчас разговоры отставить. Яков, садись за руль, я – старший машины. Остальные грузитесь внутрь. Пора выдвигаться. Как бы скалолазы раньше нас наверх не поспели.

– Командир, разреши мне и рядовому Демчуку сопровождать машину пешком? – обратился к Корнееву главный старшина Кушнир. – Внутри как в мышеловке. А мы, если что, подстрахуем.

– Не отстанете?

В ответ моряк только усмехнулся.

– Добро. Не возражаю. Группа, напоминаю еще раз! Без связи от захвата аэродрома толку не будет. Поэтому приказываю: при обнаружении радиостанции – защищать ее любой ценой! Повторяю: любой ценой!

* * *

Маломощный мотор двухтонного «Рено» легко справлялся с затяжным, но очень плавным подъемом. Размеренно урча на первой передаче, грузовичок неторопливо полз в гору, делая при этом не больше двадцати километров в час. Но так как Яков оставил включенными только габариты, это не должно было вызвать подозрения, при этом позволяя группе прикрытия не отставать.

Да и вообще, поговорка о «поспешись-насмешись» оказалась весьма кстати.

Заменяющий шлагбаум, даже не ошкуренный ствол молодой елки так неожиданно вынырнул перед радиатором, преграждая дорогу, что на любой другой скорости водитель, даже капитан Гусман с реакцией летчика, не успел бы затормозить. А так обошлось...

– Швайнегунд! Ферфлюхтердумкопф! – дал выход эмоциям Яков, не сильно волнуясь за акцент. И чуть подумав, прибавил уже спокойнее: – Шайсе!..

– Whoa! Cine sunt?! Germanii?..

Шагнувший из тени часовой тоже был изумлен не меньше. Машиной технической помощи на аэродроме никого не удивишь, а вот появление здесь ветеринарной службы вполне похоже на анекдот. На чем в общем-то и строил план Корнеев. Солдат недоуменно оглянулся.

– Veterinari? Aici aerodrom și nu stabil!

Второй часовой стоял чуть в сторонке. Не выходил на свет. Хотя винтовку с плеча не снял.

– Sar peste?! Parola?

– Was? – Гусман повернулся в сторону Корнеева. – Herr Obersturmführer, wissen Sie, was er will?

Тот молча продемонстрировал солдату через ветровое стекло какой-то документ. Вполне возможно, что и путевой лист. Поскольку вынул его из-за противосолнечного щитка – излюбленного места всех водителей для хранения документов, которые надо часто предъявлять.

Даже если румын и не знал немецкого, то звание «оберштурмфюрер» в переводе не нуждалось. Солдат поскущел лицом и опустил карабин. Скорее всего, он раздумывал: сразу открывать или вызвать разводящего, но уже в следующее мгновение выпучил глаза, дернулся и повалился в ночь, вперед спиной. Будто позади него разверзлась пропасть... Одновременно с ним пропал из виду и второй часовой. А еще через несколько секунд шлагбаум словно сам собою поднялся, открывая проезд на территорию аэродрома, если иметь в виду весь комплекс сооружений, а не только взлетную полосу и рулежную дорожку.

Слева от контрольно-пропускного пункта вдоль обрыва своеобразным забором тянулись выставленные в линию одноэтажные здания. Может, жилые бараки, может – мастерские или иные хозяйственные постройки. А то и все сразу. Справа – тоже по краю – виднелись какие-то бесформенные холмы. Скорее всего, замаскированная техника, склады и ангары...

– Кушнир! Ты со своими морячками пройдишь по левому флангу. Окажут упорное сопротивление – в плен можно не брать. Петров, Телегин, ваш правый фланг. Яков, вы со штурманом следуйте за майором и старшиной, осмотрите ангары и технику. Я с капитаном Малышевым – в штаб.

– Есть...

Группа захвата рассыпалась на отдельные звенья, торопясь каждая к своей цели.

Первый барак оказался совершенно пустым. Видимо, здесь располагалась рота охраны и обслуживания аэродрома, которую, в связи с ремонтом, уже перебросили на новый объект. Во втором сладко спало десятка полтора солдат. Дремлющий возле входа дневальный открыл было рот, чтоб поднять тревогу, но главный старшина приложил палец к губам и направил на него ствол. Солдат задумался на секунду и поднял руки. Не издав ни звука.

Морпехи быстро пробежались по казарме и собрали все оружие.

– Вот теперь можно...

Но солдат только глядел на него. Не мигая и явно не понимая, что русский от него хочет. Старшина, хмыкнул и скомандовал сам.

– Полундра!

Вряд ли кто из румын смог бы понять значение этой команды, но хватило одного лишь зычного рыка старшины, чтоб солдаты подхватились с лежанок и, натягивая обмундирование, бросились строиться.

Не давая им окончательно проснуться, морпехи согнали румын в один угол. Расположили на ленты пару простыней и передали их солдатам. Зачем – объяснять не пришлось. Солдаты сноровисто принялись вязать руки друг другу. Оставшимся двоим помогли моряки.

– Семен, пригляди... – Старшина оставил одного бойца караулить пленных и побежал с остальными к следующему барaku. Рассчитывая, что если там и слышали поднятый шум, то не успели еще сообразить, что происходит. Ведь обошлось без стрельбы, и тревогу никто не поднял.

Третьим зданием оказалась столовая. Естественно, совершенно пустая в такое раннее время. Веселье продолжилось только в четвертом баракe...

Первых три капонира пустовали. Возле четвертого, прислонившись к самолету, дремал часовой. Может, и не дремал, а всего лишь отдыхал, устав вышагивать по периметру, но на его дальнейшей судьбе это различие никоим образом не отразилось. Поскольку уже в следующее мгновение она вместе с жизнью оборвалась... рукой старшины Телегина.

Кузьмич прислонил тело к шасси, оглянулся и подал знак остальным.

– Охраны больше не видно... Но вон у того ангара, кажется, блеснуло что-то. Может, показалось, а может – проволока.

– Проволока, говоришь? Ну что ж, пошли, глянем... Пока наши летчики новую технику осваивать будут. Кстати, – сапер кивнул на прикрытый маскировочной сетью самолет. – На «кукурузник» похож.

– Биплан, – пожал плечами Колокольчиков. – Основные принципы в самолетостроении никто не отменял, независимо от того, по какую сторону границы стоят заводы.

Петруха охотно прочитал бы небольшую лекцию о принципиальных различиях между монопланами и бипланами, но как раз в это время на противоположной стороне аэродрома раздалось несколько пистолетных выстрелов. А потом застрекотал автомат... ппд.

Сублокотенент⁵ Грекеану проснулся из-за того, что вчера выиграл спор у своих унтер-офицеров и в награду получил их компоты. Награда чисто символическая, компот из сухофруктов стоял в столовой в отдельном сорокалитровом баке, и пить его можно было сколько влезет даже рядовым. Но дело принципа. Он пьет, а проигравшие оближаются... Вот только оба его подчиненных теперь крепко спят, а Тудор второй раз за ночь поднимается. Сухофрукты свободы требуют. Никак до утра не дотерпеть...

Сублокотенент сунул ноги в сапоги, набросил на плечи китель и, почти не открывая глаз, так только поглядывая в «смотровую щель» между век, побрел к выходу из казармы. Заслышав шарканье его ног, вскинулся и дневальный. Вытянулся, как положено по уставу, и раскрыл рот, чтобы доложить офицеру.

– Тихо, – проворчал тот. – Сам вижу, что никаких происшествий...

Человек в черном бушлате и такой же бескозырке, словно привидение именно в этот момент возникший в дверном проеме, произвел на полусонного румынского офицера такое неизгладимое впечатление, что переполненный мочевой пузырь не выдержал давления.

Конфуз, случившийся с сублокотенентом, в свою очередь настолько изумил русского, что он, вместо того чтобы войти внутрь и обезоружить дневального, замешкался в дверях. Давая румынскому солдату те самые недостающие при внезапном нападении секунды, чтобы успеть отреагировать. И дневальный успел... Набрав воздуха в грудь, он заорал со всей мочи:

– Тревога! Советы! Кору...

Удар прикладом прервал вопль, но свой долг солдат уже исполнил. Возможно, кто-то из спящих офицеров успел подумать о нем не слишком прилично, но по меньшей мере один оценил ситуацию верно и открыл огонь.

Пули легли кучно... Правда, все мимо. Ответная очередь из автомата была менее прицельная, но куда действеннее. Те из румын, кто еще только собирался схватиться за оружие, быстро отбросили эту мысль и дружно полезли под лежанки.

Понимая, что вся секретность операции уже нарушена безвозвратно и теперь отсчет времени пошел на секунды, главный старшина дал отмашку товарищам следовать дальше, а сам – чтобы не возиться, выдернул наружу так и стоящего прямо перед ним Тудора и забросил в помещение гранату. А секундой позже – вторую...

Когда внутри казармы один за другим гроыхнули взрывы, сублокотенент Грекеану совершенно отстраненно подумал, что вчера он, похоже, выиграл гораздо больше, чем два стакана компота из сухофруктов.

---

⁵ Второй лейтенант.

* * *

Корнеев с Малышевым уже подходили к зданию штаба, когда раздались взрывы, поставившие точку в предрассветной безмятежности. Какое-то мгновение она еще удерживала позиции, но всего лишь несколько секунд спустя была вынуждена спешно бежать перед превосходящими силами противника.

Сперва кто-то запоздало завопил: «Alarm!» Потом заквакала сирена. Возле казарм вспыхнула короткая перестрелка, но достаточно быстро была подавлена автоматным огнем. Потом еще раз гроыхнула граната, и сирена тоже угомонилась.

Из здания штаба выскочили двое солдат с карабинами наизготовку. И замерли, увидев прямо перед собой русских диверсантов. Дернули стволами, но прицелиться не успели. Упав на колени, двумя короткими очередями Малышев срезал обоих. Румыны так и повалились на ступени, отброшенные пулями, только выпущенные из рук карабины загроыхали, скатываясь вниз.

Корнеев подскочил к дверям, встал сбоку и рванул створку на себя. И хоть оттуда не раздалось выстрелов, Малышев на всякий случай выпустил длинную очередь в проем. При обычном штурме следом полетела бы граната, но офицеры не стали рисковать. Не хотелось бы оказаться без связи и в третий раз, из-за глупой случайности. В виде неправильно свалившегося куска штукатурки...

Николай на мгновение показался в дверях и тут же отпрянул в сторону. Но выстрела так и не последовало. Тогда внутрь вбежал Малышев. Одним прыжком преодолел порог и присел, поводя стволом автомата. Тишина... Похоже, эти двое солдат были последними, кто находился в штабе.

– Чисто, командир... Заходи.

Здание штаба ничем не отличалось от обычных административных построек. Большой холл, перегороженный столом дежурного. Двери налево, двери направо и лестница на второй этаж позади. Голая лампочка под потолком светила тускло, вполнекала, видимо от аккумулятора, но и этого аварийного освещения вполне хватало.

Николай осмотрелся и уверенно шагнул к левой двери, украшенной табличкой «Radio și tele». Радио, оно и в Африке радио... В переводе не нуждается. И не ошибся. За дверью находился типичный узел связи. С достаточно мощным, по крайней мере на вид, радиопередатчиком.

– Есть контакт, Андрюха... Зови Кушнера. Можно вызывать десант.

К тому времени скоротечный бой на аэродроме окончательно утих. Так что чихание заводящегося мотора прозвучало громче сигнала воздушной тревоги.

Длинный и нескладный, очень похожий на аиста, за что и кличку соответствующую имел во дворе и в школе – Сторк, Антон Григореску с детства мечтал о небе. Но седой майор, возглавляющий приемную комиссию, едва взглянув на пригибающегося в дверях почти двухметрового парня, забраковал его сразу. Едва удалось Антону упротить офицера выдать направление в училище при летной школе, где готовили механиков для обслуживания самолетов. Уж коль не судьба летать, так хоть быть рядом с мечтой...

Восемнадцатая эскадрилья, в которой теперь служил Григореску, уже перебазировалась на новый аэродром, оставив здесь только минимальную охрану и два самолета, которые еще находились в ремонте. Пустяки, в общем-то. На пару дней работы, но тем не менее... Вместе с основными силами улетело и почти все начальство. Из офицеров остались только экипажи обоих IAR-37 и командир взвода охраны – сублокотенент Грекеану. И если летчики хотя бы

время от времени приходили к капонирам интересоваться, когда закончится ремонт, то сублотенент здесь вообще не появлялся. Даже пост проверять приходил кто-то из унтер-офицеров.

Только поэтому Антон позволил себе вернуться к самолетам после отбоя и залезть в кабину одного из них, чтобы помечтать, воображая себя пилотом...

Кое-как втиснувшись в сиденье, Григореску надел шлемофон, закрыл глаза и заснул счастливым и крепким сном младенца. Словно не в неудобной и тесной кабине, а в мягкой и уютной колыбели. И сны видел под стать...

Бесконечная небесная ширь простиралась вокруг, и он парил в этой синеве, то ли сам превратившись в самолет, то ли обретя крылья, как птица. Летел и летел... Взмывая над облаками к солнцу или ныряя под них и опускаясь к пенистым волнам Черного моря...

Стрельба и взрывы никак не вписывались в сновидение, поэтому ворвались в него словно шквальный ветер и вернули Антона в реальность. А когда заревела сирена воздушной тревоги, Григореску понял: это не учения, на аэродром напали. Вражеские диверсанты!.. С целью захватить или уничтожить самолеты! Те самые «железные птицы», за которыми он ежедневно ухаживал с такой любовью, что и к девушкам не ощущал... Нет! Не бывать этому! Он не позволит!

Антон понимал, что шанс завести двигатель не слишком большой, но именно на этот самолет вчера поставили новый аккумулятор... Даже не думая о том, что будет обнаружен врагами, Григореску нажал на стартер и с ликованием, подбросившим сердце к горлу, услышал заветное чихание. Раз... второй... третий... Рискав залить непрогретый мотор, Антон подбавил газу и... услышал ровный, нарастающий гул.

Не теряя ни секунды, Антон отпустил тормоз, и самолет, чуть дернувшись от неожиданно возросшей нагрузки, неторопливо покатился по дорожке к взлетной полосе...

– Твою краснознаменную дивизию!

Когда на стоявшем в самом последнем капонире самолете зачихал двигатель, майор Петров как раз отвинчивал взрыватель. Он не сразу сообразил, что это за звук, и тем не менее даже не вздрогнул. Сапер ошибается один раз – когда выбирает воинскую специальность. А потом ему больше нечего бояться. Потому что ничего хуже, чем ошибка при разминировании, с ним на войне случиться не может...

Первым опомнился капитан Гусман.

– Держите гада! – завопил пилот, почему-то грозя самолету кулаком, словно вслед убегающему воришке. – Он улететь пытается... – и тут же вопреки собственным словам схватил за плечо вскидывающего винтовку Телегина. – Отставить. Не стрелять. Похоже, это единственный исправный самолет.

– Как же я его остановлю? – с недоумением поглядел на летчика старшина. – За хвост поймать?

– Не знаю... Но стрелять нельзя. Угробим технику. Подполковник будет недоволен.

Тем временем верткий IAR-37 уже развернулся на полосе и начал разбег по взлетке...

К биплану бежали со всех сторон. И моряки, и разведчики. Кажется, даже группа лейтенанта Гусева уже успела преодолеть склон и тоже спешила наперерез, – но видно было, что все запаздывают. Минутой бы раньше, сотней метров ближе...

– Уйдет, – резюмировал Колокольников.

– Это вряд ли...

Кузьмич неторопливо прицелился, как будто собирался снять с дерева любопытную белку. Причем точно в глаз, иначе шкурку на пункте приема пушнины забракует и премии не будет. Потом мягко выбрал спуск и выстрелил.

Сидящий в кабине самолета румынский пилот дернулся, вскинул руки, словно в последнее мгновение решил сдаться, и уткнулся носом в доску приборов. Вот только истребитель продолжал набирать скорость. Мотор ревел все громче, IAR-37 нетерпеливо подпрыгивал, словно

напоминая человеку, что пора брать штурвал на себя и взлетать... Но мертвецам летать не суждено. Даже если они мечтали об этом всю свою прошлую жизнь.

В считанные секунды самолет докатился до края взлетной полосы, протаранил щиты ограждения и, клюнув носом, нырнул с обрыва. А еще мгновением позже внизу рвануло так, что задрожали стекла в окнах.

– Будем считать, что светового сигнала капитан-лейтенант Тарасов заметил и истолковал верно. Впрочем, Андрей, держи ракетницу... Шарахни еще парочку зеленых... Как договаривались. – Корнеев устало присел на ступеньку. – Что там у старшины, Андрюха? Есть связь с базой? А то ведь такой шикарный фейерверк только слепой мог не увидеть. Да и тот наверняка услышал.

В подтверждение слов подполковника со стороны позиций, занимаемых сводной ротой морской пехоты, донеслась стрельба. Сперва редкая, из которой можно было выделить отдельные выстрелы карабинов и короткое стрекотание автоматов, но вскоре шум боя слился с эхом в один протяжный гул, и уже только изредка, как пузыри болотного газа, в нем прорезались скупые пулеметные очереди и разрывы 82-миллиметровых мин.

Глава пятая

Шестерка И-16 выскочила со стороны побережья вместе с первыми лучами восходящего солнца, из-за чего рев приближающихся самолетов донесся раньше, чем темные росчерки в небе обрели контуры краснозвездных «москитов». Юркие истребители пронеслись над аэродромом и сделали классический разворот. Потом одна тройка потянула вверх, а вторая – вернулась на бреющем. На подлете к аэродрому «москиты» сбросили газ до минимума и буквально проутюжили плоскогорье. В открытых кабинах самолетов хорошо были видны головы летчиков.

– Эй! Крылатые! Гляди сюда! – лейтенант Колокольчиков взобрался на ангар и приветливо замахал руками. – Здесь свои! Аэродром наш! Можно садиться!

При этом штурман совершенно забыл, что одет в немецкую форму и вполне мог нарваться на пулеметную очередь вместо ответного приветствия, если бы рядом с ним не размахивал бескозыркой кто-то из морских пехотинцев капитан-лейтенанта Тарасова.

Может, ведущий тройки и не все понял из происходящего внизу, но в целом ситуацию оценил верно и помахал крыльями. После чего истребители прибавили газу и унеслись к морю...

– Далековато забрались «ишачки», – недоуменно пробормотал Гусман, ни к кому конкретно не обращаясь, но поглядывая при этом на Корнеева. – Неужто «звено Вахмистрова» используют⁶. Но к чему такие сложности? У того же Як-9Д дальность полета превышает тысячу километров... Да и боевые качества куда лучше. А «тебешкам» под крылья лучше б и в самом деле танкетки подвесили.

– Значит, не нашлось лишних «яков», – пожал плечами подполковник. – Румынский участок фронта не главное направление удара. Вот и доукомплектовали чем нашли... из старых запасов.

– Летчиков, судя по всему, тоже оттуда достали, – продолжал ворчать капитан.

– С чего бы это?

– Так какой год на дворе, а они все по уставу – тройками летают! Словно не на войне, а на параде. Хотя слетанность у них, надо заметить, отменная... Ведомые держатся, будто приязанные.

– Хороший вопрос, Яша... – пробормотал подполковник, судя по ответу, услышавший только первую часть реплики. – Нам бы всем не помешало понять, какой тут нынче год.

Солнце, высунувшись из моря до половины, слепило глаза. Не помогала даже приставленная козырьком ладонь. И тем не менее Корнеев смог разглядеть приближение десантной армады. Именно армады.

Сперва напоминающий отдаленный шум прибоя, гул авиационных моторов вскоре сменил тембр до надвигающегося шторма. А там и сами самолеты показались. Сперва, разумеется, только как густая россыпь черточек и точек, но не прошло и минуты, как уже можно было не только различить их контуры, но и уверенно классифицировать каждый борт.

Впереди широким фронтом, в три этажа шли массивные ТБ-3. Каждый из бомбардировщиков нес что-то массивное под крыльями, из-за расстояния еще невнятных очертаний, а за ними тянулись буксируемые планеры. Много... Не меньше двух за каждым транспортным самолетом. Большекрылые, размерами почти не уступающие гиганту из КБ Туполева. Не все, конечно, в приближающейся воздушной армаде хватало и обычных КЦ-20, способных при-

---

⁶ Проект «Звено» – авиационный проект, разрабатывавшийся в СССР в 1930-е – начале 1940-х годов инженером В. С. Вахмистровым и основывавшийся на использовании самолёта-носителя, несущего от одного до пяти истребителей для увеличения их радиуса действия. Созданный по этому проекту комплекс «Звено-СПБ» (составной пикирующий бомбардировщик) принял участие в первом периоде Великой Отечественной войны.

нять на борт всего два стрелковых отделения, зато с полным вооружением и дополнительным боезапасом.

– Шестьдесят семь, шестьдесят восемь, шестьдесят...

– Много насчитал? – старший лейтенант Гусев встал рядом с Колокольчиковым.

– До шестидесяти девяти успел, пока ты меня не сбил, – недовольно ответил тот. – Хотя с начала начинай.

– А зачем? – к группе разведчиков подошел главный старшина Кушнир.

– Интересно же...

– Вся двести двенадцатая воздушно-десантная бригада в полном составе.

– Это ж больше полутора тысяч бойцов... – присвистнул кто-то.

– Ну, да, – кивнул главный старшина. – Сила. А когда еще из Севастополя наша 6-я бригада морской пехоты подойдет, вот тогда совсем все в ажуре будет. Так дадим румынам прикурить, что они только в Бухаресте и очухаются. Пока «царица полей» от границы дотопает, здесь уже и воевать не с кем будет. Товарищу Буденному только ключи от столицы принять и останется.

– Слышь, Володя, на флоте все так осведомлены о планах Генштаба, или тебе Верховный лично докладывает? – подпустил шпильку Петруха.

– Чего? – не понял шутки главный старшина.

– О планах Ставки, говорю, откуда знаешь?

– Так батальонный комиссар объяснял... – чуть недоуменно объяснил Кушнир. – Перед заданием. Чтобы, как учил великий русский полководец Александр Суворов, каждый солдат, значит, свой маневр понимал.

Корнеев слушал, о чем говорит моряк, и не верил собственным ушам. Что за ерунда? Батальонный политрук, объясняющий бойцам планы высшего командования? И это после десятилетия всеобщей шпиономании и повышенной бдительности? Беспощадных чисток рядов высшего и среднего командного состава Красной армии от троцкистов и прочих врагов народа?... Создания Особых отделов НКВД и «Смерша»... Да в реальности из-за режима секретности штаб армии приказы в дивизии иной раз отправлял за два-три часа до времени «Ч». И комдивам, чтобы успеть хоть как-то подготовиться к началу операции, приходилось своим комполка отдавать те самые сверхсекретные приказы по телефону почти открытым текстом. Заменяя артиллерийские стволы и танки на давно расшифрованные немцами «карандаши» и «коробочки» или «утюги».

«Кто он, этот неизвестный батальонный комиссар? Провокатор? Или имеет место широкая дезинформация десантников на случай попадания в плен? – Корнеев задумался. – Скорее всего, последний вариант. Ведь даже капитан-лейтенант Тарасов подчеркнул, что не имеет права посвящать меня в детали операции. Поэтому приоткрыл суть самой ближайшей задачи. Даже тактическую перспективу не обрисовал...»

– Может, подробнее расскажешь, старшина? А то мы на том собрании не присутствовали... – Корнеев поглядел на небо. – Пока хлопцы приземлятся, время имеется...

А в воздухе развивалось свое действие, отрежиссированное скрупулезно и поминутно. Первая волна ТБ-3, с подвешенными под крылья танкетками, уже заходила на посадку. За ними неторопливо подтягивались те, что тянули за собою грузовые планеры.

Легкие КЦ-20 уже отцепились от буксировщиков и отвалили в сторону, самостоятельно выбирая место для приземления. В тех же районах, левее и правее от аэродрома, транспортные Ли-2 высыпали сотни парашютистов. Скорее всего для организации прикрытия захваченного аэродрома на дальних подступах.

– Можно и подробнее, – кивнул главный старшина. – Тем более что задумано все просто, как семечек в кино пощелкать. Мы совместно с парашютистами захватываем плацдарм и создаем видимость наступления, чтоб отвлечь на себя силы румынской армии. Они же все

сухопутные дивизии на границе сосредоточили, а тут только кавалерийские полки... Да и те расквартированы один от другого за десятки километров. В общем, когда румыны поймут, что мы уже здесь – фактически у них в тылу, начнется суэта, паника. Переброска частей от границы в тыл... А наши бронетанковые части в Бессарабии только этого и ждут. Увидят, что фронт оголился – так и рванут прямой наводкой на Будапешт. Ну, и мы тоже зря штаны просиживать не будем. Здесь оставим крепкий заслон, чтобы кавалерия не больно резвилась, а основными силами двинем на Констанцу. Говорят, большой порт? Не меньше Одессы...

– Не меньше, – усмехнулся Корнеев.

– Это хорошо, а то ведь наш флагман, линкор «Парижская коммуна», не в каждой гавани поместится. Да и крейсер «Червона Украина» не намного короче. Те еще кораблики.

* * *

Учитывая размеры аэродрома и количество транспортных единиц в десантном флоте, первый приземлившийся ТБ-3 не только мотор не заглушил, а даже останавливаться не стал. Огромный самолет тяжело сполз на рулежную дорожку, разворачиваясь для взлета, а из него на ходу выпрыгивали парашютисты.

– Кто здесь старший?! Командир группы, ко мне!

Среди десантировавшихся одними из первых выделялся рослый и крупный офицер. Судя по манере держаться, явно не из среднего комсостава.

Корнеев, придерживая рукой пилотку, подошел к нему и замер, так и не начав доклад. Если логику действий морских пехотинцев, надевших перед десантированием старую форму... а точнее, форму старого образца, еще можно было как-то, пусть и с натяжкой, объяснить, – то теперь стало ясно: это только самоуспокоение и нежелание признавать очевидные факты. Потому что перед подполковником Корнеевым стоял самый настоящий комбриг, образца тридцатых годов. С рубиновыми ромбами на петлицах. При том, что персональное воинское звание «комбриг» было отменено еще в сороковом году и никак не могло использоваться в сорок четвертом.

– Товарищ комбриг... – В голосе Корнеева было столько удивления, что офицер не мог этого не заметить. К счастью, истолковал по-своему и вполне добродушно объяснил.

– Не удивляйся, это не пример личного героизма. Десант не пехота, тут свои законы. Самое опасное место как раз в последних рядах. Первым неожиданность помогает, а потом и враги на земле очухаться успевают, и истребители вражеские могут подтянуться...

На этом запас его добродушия исчерпался. Комбриг сурово насупил брови и чуть брезгливо спросил:

– Что у вас тут за цирк происходит? Почему в германской форме? Доложите как положено!

– Майор Корнеев. Группа «Призрак». Фронтальная разведка. Выполняем задание особой важности.

– Что вы мне голову морочите, майор? Какой еще «Призрак»? Кто старший группы, захватившей аэродром? Где капитан-лейтенант Тарасов и мои бойцы?

– Ваши бойцы погибли при десантировании. Сводная рота капитан-лейтенанта ведет заградительный бой на дороге, ведущей к аэродрому. Слышите? – Корнеев указал рукой в направлении доносящихся с побережья выстрелов. – Тарасов там...

– Какими силами атакуют румыны?

– Точными данными не располагаю, но не больше одного-двух эскадронов. Других частей, которые могли бы в такой короткий срок подтянуться сюда, в этом районе нет. В ближайшие два-три часа можно ожидать еще пару эскадронов...

– Не густо. Это было известно и до начала операции. Чем вы тут занимались, майор?.. – комбриг недовольно поморщился. – И все-таки почему вы в румынском тылу надели форму СС?

– Извините, товарищ комбриг, – Корнеев отвечал негромко, но твердо. – Не имею права... Задание на контроле у Ставки. Прошу разрешения моей группе отбыть обратно за линию фронта на одном из самолетов. Они ведь все равно порожняком возвращаются.

– Почему сами не запросите разрешения?

– Долго объяснять. Но выходить в эфир напрямую я тоже не имею права.

– Даже так?.. – комбриг задумался. – Ну, хорошо. Кто-то же может подтвердить факт существования «Призрака»? Поставьте себя на мое место и посмотрите на это со стороны. Какие-то оборванцы, без документов... Может, вы не наши разведчики, а совсем наоборот? Думаю, прежде вам стоит с нашим особистом пообщаться.

Подобный поворот дела Корнеева устраивал меньше всего. Он уже сейчас, в общем разговоре боялся ляпнуть что-то лишнее, а при допросе такие подробности будут затронуты, что отговорками не отделаться. И если группу в самом деле угораздило перенестись в прошлое... Нестыковок в ответах будет столько, что путь к стенке окажется гораздо короче, чем хотелось бы. Это если просто шлепнуть решат. А если захотят «правду» узнать?

Подполковник непроизвольно вздрогнул. Как в НКВД получают нужные сведения и «признания», в стране Советов не знал только тот, кто принципиально не хотел ничего знать. Но ответил как мог равнодушнее:

– Как прикажете... Можно и пообщаться. Только, покуда мы с ним за жизнь потолкуем, без попутного транспорта останемся, – Корнеев указал взглядом на взлетающий транспортник. Уже третий по счету.

Пока легкие планеры садились на поля, тяжелые опускались на посадочную полосу. Здесь их быстро откатывали в сторону, освобождая место для взлета тому, кто уже разгрузился, чтобы не создавать затор на хоть и удобно расположенном, но не слишком большом аэродроме. Даже доставленная бронетехника немедленно съезжала и скапливалась у подножия горы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.